

The background of the cover is a detailed illustration. In the upper left, a large, ornate brass airship with multiple spherical lanterns is shown. The name 'ТАМАРА' is written on its side. In the foreground, a young man in a blue military uniform with gold epaulettes and a young man with a mustache in a white naval uniform are looking towards the airship. The young man in blue is holding a pen and an open book. In the bottom left corner, a hand holds a glowing pink lotus flower, and a white dove is perched on a wooden railing. The scene is set against a sunset sky with palm trees in the background.

Алексей Кукушкин

Ревизия
Ост-Индской
компани

Алексей Кукушкин

Ревизия Ост-Индской компании

«Автор»

2026

Кукушкин А. Н.

Ревизия Ост-Индской компании / А. Н. Кукушкин — «Автор»,
2026

Альтернативная Российская Империя, конца XIX века. Эфир здесь живая сила, что течёт в медных жилах земли, слабеет. Капитаны мятежных провинций жгут уголь и нефть, но ложь не спасает от правды. Великий князь Сандро, с инспекцией, отправляется на Цейлон на роскошной медно-стеклянной яхте «Тамара», неспешное путешествие в стиле доброго аниме: запах чая и морского бриза, мягкое свечение эфирных лампасов, тёплый гул меди. С ним удивительные друзья: добродушный механик Сергей, который чинит всё, что движется, и любит пироги больше жизни; молодая помощница Лакшми с глазами, как ночное небо; двенадцатилетний Аджай, знающий джунгли лучше взрослых; и даже, таинственный капитан Немо. Экспедиция находит документы, что всю историю Британской империи просто сочинили. Англичане украли прошлое! Сандро может наказать или отомстить, но он выбирает показать правду всем. Уютная, добрая и глубокая история о том, что Империя это не территории на карте, а память, и пока она есть, то существует и империя!

© Кукушкин А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Отплытие «Тамары»	5
Глава 2. Чайная церемония на борту	10
Глава 3. Дельта и эфирные лотосы	14
Глава 4. Древний узел в горах	19
Глава 5. Аул и ветряные арфы	25
Глава 6. Охота без выстрелов	31
Глава 7. Эфирная буря	37
Глава 8. Прибытие на Цейлон	42
Глава 9. Первая ночь в Коломбо	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алексей Кукушкин

Ревизия Ост-Индской компании

Глава 1. Отплытие «Тамары»

Астрахань пахла арбузом. Сладким, треснувшим, раздавленным на пристани чьим-то сапогом. Сандро стоял на краю сходней и смотрел, как по дощатому настилу растекается розовая лужа, и думал о том, что если Империю когда-нибудь опишут в учебниках, то начнут не с карт и не с указов, а вот с этого запаха. Арбуз, икра, вобла, медный гул эфирных жил под ногами, крик чаек, торгующихся с торговками за одну и ту же рыбу.

Он вынул блокнот и записал карандашом: «Астрахань. Пристань. Арбуз, не забыть».

Слово «не забыть» подчеркнул дважды. Пальцы у него были худые, длинные, с медным кольцом на левой руке, и блокнот он держал на отлёте, как держат хрупкую вещь. Он не любил зеркала, брился на ощупь, по памяти, доверяя пальцам больше, чем глазам. Пальцы говорили: лицо худое, скулы острые, под глазами тени, которых не было год назад. Волосы тёмные, коротко стриженные, на висках уже седина, хотя ему всего тридцать. Усов он не носил, не потому, что не шли, а потому, что усы требуют времени, а времени у него никогда не было.

Сергей в белом кителе, измятом после ночной работы, уже возился у главного конденсатора «Тамары» — медного цилиндра, оплетённого жилами. Он говорил с ним вполголоса, как говорят с лошадью, которую объезжают третий день и которая наконец начала понимать, кто в доме хозяин.

«Ну, милая, — бормотал он, поглаживая тёплую медь, — ну, потерпи, дойдём до моря, там разгуляешься, я тебе обещаю».

Конденсатор гудел ровно, басовито, чуть насмешливо, и Сергей, положив на него ладонь, чувствовал под кожей знакомое тепло, эфир просыпался, тек по жилам, как кровь по сонной руке.

Он был большой, светловолосый, взлохмаченный, с ямочками на щеках и с пятном от масла на самом видном месте кителя, и он этого пятна не замечал, или делал вид, что не замечает. На левой руке у него был простой, без заклёпок, без гравировки, медный браслет, который он носил с шестнадцати лет и никогда не снимал, даже в бане. Браслет был тёплый, как ладонь. Сергей не говорил об этом никому, но браслет подарила мать, и с тех пор, как её не стало, он носил его как память, а не как украшение. Когда он волновался, он крутил браслет на руке, вправо, влево, вправо. Он делал это сейчас, сам того не замечая.

Радде сидел на перевёрнутом ящике у трапа и читал. Ему было всё равно, где читать: в библиотеке, в поле, на пристани, среди арбузных корок и ругани грузчиков. Книга была старая, в потрескавшемся переплёте, и называлась длинно и скучно, как доклад в академии.

«Трактат о свойствах эфира в южных широтах», — прочитал Сандро, заглянув через плечо.

Радде поднял на него тёмные, внимательные, чуть насмешливые глаза и усмехнулся в седую бороду, коротко стриженную, с жёлтой от табака проседью: «Написано человеком, который никогда не был южнее Курска. Но забавно».

Он перевернул страницу и добавил: «Хуже другое, голубчик, автор пишет, что эфир в тропиках густеет, а раз густеет, то течёт медленнее, следовательно, наша "Тамара" там поплывёт, как муха в патоке и это надо проверить».

Сандро кивнул, что надо проверить, это слово он слышал от Радде чаще всех остальных. Он не спросил, почему Радде говорит «надо проверить», а не «надо понять». Он давно сам понял, что Радде проверяет всё, даже собственные мысли, и в этом была его сила и его слабость.

Трость с медным набалдашником, с амальгамой внутри, в виде яблока снаружи лежала у него на коленях, и он держал её так, как держат не опору, а привычку.

На пристани торговали всем, чем можно торговать в Астрахани: Икрой в деревянных бочонках и в стеклянных банках с медными крышками; Арбузами, сложенными в пирамиды, причём самый большой арбуз венчал пирамиду и был перевязан ленточкой, как невеста; Воблой, развешенной на верёвках, как бельё; Мёдом в горшках, запечатанных воском; Чаем в бумажных пакетах с оттиснутым двуглавым орлом; Дынями, виноградом, инжиром; Кожаными ошейниками с заклёпками, глиняными свистульками, деревянными лошадками и где-то среди этого, медные благины, маленькие, с грецкий орех, в корзине у старухи, которая продавала их как «чудо-камушки для здоровья».

Сандро купил одну, не для здоровья, а просто ему понравилось, как старуха сказала: «Бери, мил человек, бери. Ежели не поможет, так хоть позвякивать будет».

Великий князь расплатился медной монетой и спрятал благину в карман, рядом с блокнотом. Теперь у него в кармане было две вещи: память о прошлом и покупка для будущего.

Мальчишка лет десяти продавал маленьких, медных механических муравьев, с благиной внутри, а они прыгали у него на ладони, как живые. Сандро смотрел на этого мальчишку и думал о том, что Российская империя в современном эфирно-техническом варианте, это не карта, а люди, дома, запахи, звуки, арбузные корки на пристани, медные воробьи на ладони, старуха с чудо-камушками и он едет на самый юг империи проверять, как живут эти люди, эти дома, эти воробьи.

Сергей спустился с мостика, вытирая руки о полотенце: «Готова! — объявил он на весь причал, и чайки вздрогнули. — Ну, почти готова. Главный конденсатор я смазал, вспомогательные проверил и если честно, я в неё влюблён!»

«В кого?» — спросил Сандро, хотя знал ответ.

«В нашу яхту "Тамара", конечно! Она слушается! Она почти живая!».

Сандро посмотрел на него внимательно. Сергей говорил о яхте как о человеке, и это было не позёрство, не привычка, а настоящая привязанность, как у крестьянина к лошади, как у матери к ребёнку.

«Ты бы её не бросил?» — спросил Сандро, сам не зная зачем.

Сергей ответил не сразу, а почесал в затылке, запустив пятерню в светлые волосы, и они встали дыбом ещё сильнее: «Конечно же не бросил, а то бы она обиделась, а обиженная "Тамара", это, знаешь, хуже обиженной женщины. Она просто не поплывёт».

Он сказал это и громко, на весь причал засмеялся. Чайки взлетели, и грузчик уронил бочку, и старуха с чудо-камушками перекрестилась. Сергей умел смеяться так, что вокруг становилось теплее.

Перед отплытием Сандро спустился в свою маленькую, узкую, с койкой, столом и медным зеркалом на стене каюту. Зеркало старое, тусклое, с потрескавшейся амальгамой, и в нём лицо отражалось так, будто человек уже умер и лежит в гробу при свечах. Сандро не любил зеркала. Он смотрел на своё отражение и видел перед собой чужого, усталого, серого человека, с тёмными глазами, в которых стояло что-то, чего он сам не хотел замечать.

Он уже собрался уходить, когда в каюту постучали. Вошёл Сергей с клубком медной проволоки в руках и с видом человека, который придумал что-то интересное и хочет этим поделиться немедленно.

«Сандро! — сказал он громко, и в маленькой каюте его голос прозвучал как колокол. — Я тут подумал, ты знаешь, что зеркало можно подключить к эфирной жиле? Ну, если оно ртутное, старое, с амальгамой. Оно тогда начинает показывать... не то, что перед ним, а то, что далеко, как экран или тарелочка с яблочком из сказки Пушкина!»

— «Как что? Как экран?» - уточнил Великий князь.

- "Слово из твоих записей. Ты сам его придумал, когда описывал эфирные индикаторы? Ну, экран такой. Показывает далёкое", - не унимался Сергей.

Сандро нахмурился, он действительно помнил это слово, из своих же заметок, из статей, которые читал в другом мире, в другой жизни. Он не ожидал услышать его здесь. Сергей уже возился с зеркалом, подсоединяя к его раме тонкую медную жилу. Пальцы у него были быстрые, уверенные, и он говорил, не переставая: «Амальгама это ртуть с металлом. Она помнит свет. Любой свет, который когда-либо на неё падал. Если через неё пропустить эфир, она вспоминает не то, что перед ней, а то, что когда-то было, где-то, но не здесь, ты понял?»

«Понял, — сказал Сандро тихо. — Только не надо».

«Да ты не бойся! Сейчас будет атмосферное электричество, и...»

Он не договорил. Зеркало дрогнуло. Тусклая амальгама пошла рябью, как вода в ведре от брошенного камня, и в глубине, за стеклом, вспыхнул свет, не отражение каюты, а что-то другое. Город, но не Астрахань, а с высокими домами из стекла и стали, с мостами, перекинутыми через реку, с огнями, которые горели сами по себе, без огня, без масла, без эфира. Люди в странной одежде шли по улицам, и над ними летели машины, не дирижабли, не аэропланы, а что-то гладкое, блестящее, без крыльев.

Сандро замер. Он узнал этот город. Он видел его во снах, в обрывках памяти, в тех статьях, которые читал когда-то. Москва. Его Москва, та, из другого мира.

«Что это? — прошептал Сергей, и в его голосе впервые не было восторга, только растерянность. — Что это, Сандро?»

Сандро не ответил, он смотрел на зеркало, на далёкий город, на свою прошлую жизнь, и молчал, а потом медленно, очень медленно, протянул руку и с силой рванул медную жилу. Проволока лопнула, обожгла пальцы, и на левой ладони выступила тонкая ниточка порезы, красная, яркая от крови. Зеркало погасло, а амальгама снова стала тусклой и мёртвой, и в ней отразилось только его собственное лицо, худое, серое, с тёмными глазами, в которых стояло что-то, чего Сергей не понял.

«Это не монитор, — сказал Сандро тихо. — Это память и она не для того, чтобы её показывать».

Он посмотрел на порез, кровь шла ровно, спокойно, как будто тоже была частью механизма. Он вытер ладонь о полу сюртука и вышел из каюты, оставив Сергея одного, с клубком проволоки и с немым вопросом на лице.

Сергей постоял ещё минуту, а потом посмотрел на тусклое, мёртвое, безобидное зеркало и понял, что боится его, не эфира, не поломки, не писка в конденсаторе, а вот этого мёртвого стекла, в котором минуту назад был чужой город. Он вышел следом, забыв про проволоку.

Город был хорош. Белые дома с плоскими крышами, где сушилось бельё и лежали арбузы. Церкви с медными куполами, на которых сияли пятиконечные звёзды, те самые технические знаки, которые означали, что храм работает не только для души, но и для тела, а также питает эфиром окрестные улицы. Мечети с минаретами, где вместо полумесяца стоял медный шар-конденсатор, потому что в Астрахани конфессии жили не рядом, а вперемешку, в соседних домах и улицах, а эфир был общим, как воздух. Караван-сарай с распахнутыми воротами, из которых тянуло пряностями, кожей и чужими языками. Уличные торговцы с лотками: арбузы, дыни, виноград, инжир, вобла, икра, мёд, чай, медные благины. Мальчишка с механическими воробьями. Старуха с чудо-камушками. Грузчики, которые ругались так, что чайки улетали и над всем этим стоял медный гул эфирных жил, ровный, спокойный, как дыхание спящего.

Когда яхта «Тамара», под восторженные возгласы горожан, отошла от причала, Астрахань начала уплывать назад, как старая карта, которую сворачивают на краю стола. Сандро стоял на капитанском мостике, положив руки на штурвал-астролябию: медное кольцо с эфирными рунами, несколько рычагов и стеклянный индикатор, внутри которого плавала серебристая капля. Капля двигалась сама по себе, лениво, как живая, и показывала направление

эфирных течений. Сандро закрыл глаза. Под ладонями дрогнуло что-то тёплое, живое, и он услышал не ушами, а костями низкий ровный гул, его яхта «Тамара» дышала.

Он не был эфирщиком, как Сергей. Он был инспектором. Его дело смотреть, записывать, проверять, но с некоторых пор он чувствовал эфир, слабо, на грани, но чувствовал и сейчас, стоя у штурвала, он думал о зеркале, о том, что увидел, о городе из другого мира, который был его домом и который он потерял. Он не жалел о потере, жалеть было бесполезно, но он боялся, что зеркало может показать это кому-то ещё: Сергею, Радде, матросам и тогда вопросы, которые он так тщательно избегал, посыплются со всех сторон: «Кто ты? Откуда ты? Почему ты знаешь слова, которых не знает никто?» Он не был готов отвечать, так как сам не знал ответов.

«Как оно?» — спросил Сергей, поднимаясь следом, он уже оправился от зеркала, но в глазах у него всё ещё стояла тень.

«Слушается, — ответил Сандро, не открывая глаз. — Только капля сонная».

«Это течение типа дельта, здесь эфир густой, как патока, настоящие течения начнутся южнее и, судя по тому, что пишет мой безграмотный трактат, в тропиках будет ещё хуже».

Радде, поднявшийся следом, хмыкнул: «Я же говорил, голубчик. Густеет, значит, течёт медленнее, нам понадобится не только эфир, но и терпение».

Он опирался на трость и смотрел на город, который уплывал назад.

«Терпение, — сказал он ещё раз. — Это единственное, что у нас есть и ещё вопросы, их у нас больше, чем терпения».

Сандро промолчал. Радде знал о нём больше, чем говорил и рано или поздно придётся сказать ещё больше, но не сегодня.

Сергей спустился в машинное отделение проверить, как чувствует себя главный конденсатор после смазки. Он спустился и замер. Конденсатор гудел ровно, спокойно, но под этим гулом Сергей уловил что-то ещё, тонкое, высокое, как комариный писк. Он приложил ухо к медной обшивке. Писк шёл из глубины, оттуда, где жилы сплетались в узлы. Сергей нахмурился. Такого он не слышал ни разу за десять лет работы. Он выпрямился, вытер руки и поднялся на палубу.

«Сандро! — сказал он тихо, и это было так не похоже на него, что Сандро обернулся сразу. — Там что-то не так. Я не знаю что, но что-то не так».

«Что именно?»

«Если бы я знал! Я слышу эфир и он сегодня звучит... иначе, как будто кто-то подстроил струну или испортил».

Радде закрыл книгу: «Это может быть дельта, а может быть, не только дельта».

Сандро посмотрел на юг, оттуда подул тёплый, влажный ветер, пахнувший далёкими пряностями, чёрным дымом и чем-то ещё, чему он не знал названия.

«Ваше высочество, — раздался голос Радде снизу. — Тут механический сокол просит выпустить его, сигнализирует, что засиделся».

Сандро спустился на палубу. Радде держал лёгкую, из медных прутьев клетку, внутри которой сидела, не живая а механическая птица, по виду действительно напоминающая хищного сокола. Перья — тончайшие стальные пластины, покрытые золотистой краской. Глаза — тёмное стекло. В груди, под металлической грудкой, тихо гудела благинь. Сокол смотрел на Сандро и, кажется, ждал.

«Он хочет лететь, — сказал Радде. — Я его понимаю. Сидеть в клетке, когда вокруг такое небо, форменное преступление. Я бы сам полетел, если бы умел».

Сандро открыл клетку и сокол выбрался наружу, неуклюже перебирая лапами по медному поручню. Потом расправил крылья, несколько раз взмахнул ими и взмыл. Он поднялся высоко, к самым облакам, и там, наверху, начал выписывать круги, показывая путь на юг.

«Он знает дорогу, — сказал Радде, глядя в небо. — Умная птица. Я его собрал три года назад из старого хронометра и нескольких медных пластин. Он тогда ещё летать не умел, лишь прыгал по столу и пугал кота, а теперь вон, полюбуйте - красавец».

Сандро смотрел на сокола и думал о том, что где-то там, на юге, в джунглях Цейлона, кто-то жжёт чёрный дым. Кто-то прячет что-то. Кто-то, возможно, уже знает, что «Тамара» вышла из Астрахани.

Он достал блокнот и записал: «Плывём проверять, как живут наши люди. Юг. Цейлон. Чёрный дым. Не верить на слово, а смотреть своими глазами».

Радде заглянул через плечо: «Что пишете?»

«Свой долг перед Родиной, просто долг», - ответил Сандро и его взгляд устремился в небо, где резвилась хищная птица.

Радде покачал головой. «Долг, голубчик, это то, что мы должны, а то, что мы делаем, не долг, а любопытство и это честнее».

Он пошёл к себе, опираясь на трость, и его шаги звучали ровно, спокойно, как метроном. Сандро остался у борта. Ветер подул с юга, тёплый, влажный, пахнувший далёкими пряностями. Яхта «Тамара» шла вниз по Волге, к морю, к эфирным тропам, к неизвестности. Механический сокол всё кружил в небе, показывая путь и где-то там, в глубине, в машинном отделении, конденсатор тихо, на одной ноте, пел свою тонкую, высокую, тревожную песню, а в каюте, на стене, тускло блестело мёртвое зеркало и в нём, если долго смотреть, можно было увидеть не своё отражение, а что-то другое, далёкое, чужое, забытое, но в него пока никто не смотрел.

Глава 2. Чайная церемония на борту

К полудню жара стала такой, что палуба начала пахнуть не деревом, не смолой, а чем-то тёплым и живым, как нагретая кожа. Солнце стояло высоко, белое, как расплавленное олово, и воздух над Волгой дрожал, будто кто-то невидимый перебирал струны. С юга шёл ветер, сначала робкий, потом всё увереннее, и в этом ветре уже угадывался запах далёкой степи, полыни и чего-то ещё, солоноватого и морского, которое ждало впереди. Сандро поднялся из каюты с перевязанной ладонью, сам перевязал, так как, некогда было искать помощь, и вышел на палубу, где уже было накрыто угощение.

Стол с яствами стоял под навесом из просмоленной парусины, среди кадок с экзотическими растениями, которые Сергей выписал откуда-то из-под Баку. Фикусы с толстыми, будто восковыми листьями, лимоны, усыпанные мелкими плодами, и что-то колючее, названия чему Сандро не знал и знать не хотел. Пахло землёй, нагретой водой и чаем, который ещё не заварили, но запах сухих листьев, лежащих в открытой жестяной банке, уже стоял в воздухе, и от этого становилось спокойнее. Где-то далеко, за кормой, чайка крикнула так пронзительно, будто её обидели, и сразу замолчала, и тишина стала ещё глубже.

Самовар гудел. Он стоял в центре стола, большой, медный, с выпуклыми боками, начищенными до такого блеска, что в них отражалась вся палуба, только вверх ногами. Огня и угля под ним не было, ничего такого не было, только тонкая медная жила, тянувшаяся от его основания к поручню, и поручень этот был тёплый, как рука человека, который только что держал чашку. Самовар питался этим теплом. Эфир шёл по поручням, поручни отдавали тепло самовару, самовар кипятил воду. Как всё гениальное просто. Внутри самовара что-то тихо, ритмично щёлкало, то ли клапан, то ли маленькое сердечко, которое не знало, что оно неживое.

— Не трогай, — сказал Сергей, появляясь из люка с чайником в руках. — Он сегодня нервный.

— Нервный? — Сандро поднял бровь.

— Нервный, гудит не так. Я его слушаю с утра и он гудит не так, как будто ждёт чего-то или боится.

Сергей поставил чайник на стол, рядом с самоваром, и посмотрел на него с той смесью нежности и тревоги, с какой смотрят на больного ребёнка. Он крутил браслет на левой руке, вправо, влево, вправо. Сандро заметил это и ничего не сказал. Он давно понял, что если Сергей крутит браслет, значит, что-то не так, но говорить об этом Сергей не будет, пока сам не решит.

— Обычно он гудит ровно, — сказал Сергей, наливая воду в чайник. — Как пчела в улье, а сегодня, как пчела, которая потеряла улей. Слышишь? Нет, ты не слышишь. Ты не эфирщик, но я слышу. Там, внутри, что-то дрожит, не так, как должно. Я вчера вечером проверял конденсатор, всё в порядке, а утром включил и вот.

— Может, это из-за писка, — сказал Сандро тихо.

— Может.

— Ты не веришь мне.

— Я верю, просто не знаю, что делать с тем, во что я верю.

Чайник немедленно отозвался, зашипел, задышал, начал отдавать запах. Чёрный чай с бергамотом, привезённый из Одессы, с сушёной коркой апельсина, добавленной для запаха. Сергей налил себе и Сандро, потом сел, вытянув длинные ноги, и посмотрел на воду. Он вспомнил, как в детстве, в имении под Москвой, старый механик учил его слушать машины.

«Машина не лжёт, — говорил старик, и его усы шевелились, как у моржа. — Она или работает, или не работает, а если она поёт не ту песню, то значит, где-то перетёрлась жила. Ищи, пока не найдёшь, а если не найдёшь, то значит, ты не механик, а сапожник».

Сергей тогда обиделся. Он был мальчиком и не любил, когда его называли сапожником. Теперь он понял, что старик был прав, но писк это не перетёртая жила, а что-то другое, то, чего он не слышал за десять лет работы.

Голем появился из камбуза не сразу. Сначала был слышен его мягкий, чуть шаркающий, с лёгким металлическим позвякиванием шаг. Потом из-за угла показалась его круглая медная голова, потом брюшко и поднос. Голем был маленький, с короткими ножками, и двигался он медленно, аккуратно, чуть переваливаясь, как утка. На подносе стояли четыре фарфоровые чашки, с синими ободками, и рядом с ними лежали хлеб, масло, мёд в маленькой глиняной плошке и варенье из лепестков роз в стеклянной банке с медной крышкой. Голем поставил поднос на стол и начал расставлять чашки, каждую на своё место, ровно, с точностью, которой позавидовал бы любой официант. Он делал это без спешки, без суеты, и в его движениях было что-то, что заставляло смотреть и не отводить глаз. Так смотрят на ребёнка, который впервые сам зашнуровывает ботинки. Сергей смотрел на голема с гордостью.

— Я его сам собрал, — сказал он. — Из старого самовара и пары шестерёнок. Он умеет только одно — носить чашки и расставлять, но делает это лучше меня.

Голем закончил расставлять чашки и замер, ожидая следующего приказа. Сергей погладил его по медной голове. Голем тихо и довольно загудел.

— А если бы он умел больше? — спросил Сандро.

— Тогда бы он не был големом, он был бы человеком или чем-то похуже.

Сандро не спросил, что значит «похуже». Он посмотрел на свою левую ладонь. Порез от проволоки уже затянулся, но остался тонкий розовый шрам, похожий на нитку. Он провёл по нему пальцем и вспомнил, как рвал медную жилу в каюте, с силой, с яростью, так, что проволока обожгла пальцы и на ладони выступила кровь. Тогда ему казалось, что он рвёт не провод, а что-то другое: связь, нить, паутину, которая тянулась из прошлого. Теперь он смотрел на шрам и думал: «Вот, теперь у меня есть след. Первый след за всё путешествие».

Он не знал, к добру это или к худу, а знал только, что шрам останется, а значит, останется и память.

Радде появился не сразу. Он всегда появлялся не сразу, сначала был слышен его шаг, ровный, спокойный, с перестуком трости, потом скрип ступеней, потом уже он сам, в тёмно-сером сюртуке с карманами, из которых торчали бумаги и карандаши. Он нёс под мышкой длинный сверток, в кожаном чехле, потёртом по краям. Положил его на стол, рядом с самоваром, и развернул и это оказалась старая карта, не просто старая, а древняя, на пергаменте, с краями, обожжёнными по неосторожности или по времени. Она пахла воском и пылью, и когда Радде расправил её, в воздухе повисло что-то, что заставило Сандро замереть тонкий, слабый, но живой гул. Карта гудела. Воздух над ней дрожал, как над горячей землёй в полдень, и на мгновение Сандро показалось, что пергамент дышит, медленно, глубоко, как спящий зверь.

— Это не совсем карта, — сказал Радде, заметив его взгляд. — Это схема кровеносно-эфирной сетки планеты.

Он провёл пальцем по горной гряде, которая на обычных картах называется Кавказом, и под его пальцем вспыхнули линии. Тонкие, голубоватые, они текли по хребтам и долинам, сплетались в узлы, расходились в стороны, уходили вниз, к морю, и там гасли, как ручьи, впадающие в большое озеро. Эфирные тропы. Жилы земли, по краям карты нанесены надписи не чернилами, а чем-то другим, светящимся, что проступало только при определённом угле.

Сандро узнал старый шрифт, тот, который Радде называл «языком медных жил». Слева стояло: «Первый узел. Курейка. Спящий». Справа светилось: «Второй узел. Цейлон. Дышащий», а посередине, между ними, вился тонкий пунктир, похожий на след змеи, и у самого его конца, где пунктир упирался в маленькую звезду, было написано одно слово: «Тишина».

— Здесь, — Радде ткнул пальцем в точку на юге, где линии сходились в плотный клубок, — здесь узел. Один из главных - Цейлон. Если он испорчен, то вся южная сеть работает с перебоями, а если он мёртв, то половина Империи останется без эфира.

— Насколько всё плохо? — спросил Сандро.

— Пока не знаю, но линии здесь, — он провёл пальцем по нескольким жилам, которые выглядели тусклее остальных, — дрожат, как будто кто-то по ним ударил или как будто что-то их пережимает. Отсюда и писк, который слышит Сергей. Писк это не поломка, а крик всей системы о помощи.

Сандро смотрел на карту. Линии пульсировали слабо, неровно, как пульс больного. Он не был эфирщиком, но даже он чувствовал, что что-то не так, взгляделся в маленькую звезду на конце пунктира и вдруг понял, что тишина, это не отсутствие звука, а отсутствие эфира. Место, где эфир умер и пунктир вёл именно туда.

— Что там, на Цейлоне? — спросил он.

— Люди, — ответил Радде. — Такие же, как мы, но другие. Они живут на узле. Они его чувствуют, кормят и слушают. Если с узлом что-то случилось, то они это узнают об этом первыми.

— А если знающие люди уже мертвы?

Радде не ответил сразу. Он закрыл глаза, и на его лице появилось что-то, чего Сандро не видел раньше, не страх, не усталость, а что-то древнее, как сама карта. Потом он сказал тихо:

— Двадцать лет назад я был там, это был зелёный остров, как рай. Люди там не знали, что такое зима, не знали, что такое голод. Они жили на эфире, как рыбы в воде, а потом я уехал и больше не возвращался, не потому, что не хотел, а не мог. Что-то не пускало, как будто узел сам решал, кто может войти, а кто нет.

— И ты не знаешь, что с ними стало?

— Не знаю, но я знаю, что узел жив. Пока остров дышит они живы. Пока они живы — узел дышит, это одно и то же.

Сергей в это время сидел на палубе, свесив ноги за борт, и слушал. Он не смотрел на карту, а на воду и вдруг сказал:

— Писк стал громче. Вы слышите?

Сандро прислушался. Он не слышал ничего, кроме ветра и воды, но Сергей слышал. Его лицо побледнело, и он крутил браслет быстрее, чем раньше.

— Это не дельта, — сказал Сергей. — Это не поломка, это оттуда, с юга. Писк идёт с юга, как будто кто-то зовёт или предупреждает.

Голем, который всё это время стоял в углу, тихо загудел. Его гудение было глубже, чем обычно, словно он тоже слышал писк, как будто он знал, что это значит. Сергей посмотрел на него и сказал:

— Даже он слышит, а он умеет только носить чашки.

Радде аккуратно, медленно, как сворачивают знамя свернул карту, а потом положил её в чехол и сказал:

— Значит, плывём быстрее, если писк с юга, то надо успеть.

Чай остывал. Радде убрал карту, свернул её аккуратно, в тот же кожаный чехол, и положил на колени. Голем стоял в углу, тихо гудел и ждал. Сергей налил себе вторую чашку и уже не крутил браслет, он просто сидел и смотрел на воду.

Сандро достал из внутреннего кармана конверт. Плотный, с сургучной печатью, не императорской, а канцелярской, но всё равно важной. Печать была тёмно-красная, с оттиском двуглавого орла, и когда Сандро сломал её, в воздухе запахло горячим воском и чем-то ещё: старым, казённым, как запах бумаги, которая слишком долго лежала в закрытом ящике. Бумага была плотная, чуть желтоватая по краям, и текст на ней был написан не печатным, а рукописным почерком, ровным, каллиграфическим, с завитушками на буквах «д» и «в». Почерк был

чужой, не императора, а писца, но подпись внизу была настоящая: «Николай». Быстрая, размашистая, как будто человек, который подписывал, торопился куда-то или не хотел, чтобы его остановили.

Сандро прочитал вслух, ровно, без выражения:

— «Проверить, как управляют нашими южными землями, не верить на слово, смотреть своими глазами. Обо всех находках доносить лично. Подпись: Николай».

Он сложил бумагу и убрал обратно, но перед этим, на секунду, на одну только секунду, он задержал взгляд на последней строчке. Там, под подписью, было что-то ещё. Маленькое, почти незаметное, написанное другим, торопливым, некрасивым подчерком. Сандро успел прочитать два слова: «Тишина. Осторожно». Он не сказал об этом никому, не потому, что хотел скрыть, а потому, что не знал, что это значит. Но слова эти легли в карман, рядом с блокнотом, и остались там, как камень, который не выбросить.

Сергей молчал, потом произнес:

— «Смотреть своими глазами», как будто ты можешь смотреть чужими.

— Можешь, — ответил Радде. — Если долго живешь с закрытыми глазами, начинаешь видеть то, что тебе показывают, а не то, что есть на самом деле.

Он встал, опираясь на трость, и посмотрел на юг. Ветер трепал его седые волосы, и на секунду он стал похож на старого капитана из тех книг, которые Сандро читал в детстве. Потом он сказал, обращаясь не Сандро, не Сергею, а куда-то в пространство:

— Я знал одного человека. Он был губернатором на Цейлоне. Двадцать лет назад. Он говорил: «Я управляю островом. Остров это я», а потом он умер и остров не заметил. Вот что значит «смотреть своими глазами». Не верить, что ты это остров. Не верить, что остров это ты, а просто смотреть и видеть.

Он замолчал. Сергей тоже молчал. Сандро смотрел на свою руку, на шрам от проволоки и думал о том, что «смотреть своими глазами», это не про глаза, а про то, что внутри, что не даёт тебе поверить в чужую ложь и это заставляет тебя рвать медную жилу, даже если больно. Оно-же ведёт тебя на юг, даже если там тишина или писк.

Сандро достал блокнот и записал несколькими строками: «Указ прочитан. Радде прав. Глаза добрые не всегда хорошо. Смотреть внимательнее. В указе я понял второе дно. Тишина. Осторожно. Проверить. Не верить. Смотреть».

Он закрыл блокнот, убрал в карман и посмотрел на юг. Горизонт был чист, но где-то далеко, у самого края неба, собирались облака. Тёмные, низкие, тяжёлые. Гроза шла с юга или это был дым? Чёрный дым? Сандро не знал, но он знал, что скоро узнает.

Ветер усилился. Самовар загудел громче, потом тише, потом снова ровно. Голем в углу тихо позвякивал, убирая чашки. Сергей встал и пошёл в машинное отделение проверить конденсатор. Радде остался сидеть, глядя на юг, и его трость тихо постукивала по палубе: раз, два, три, как метроном или сердце, как время, которое шло вперёд, не спрашивая разрешения. Яхта «Тамара» шла вниз по Волге, к морю, к эфирным тропам, к неизвестности и где-то там, в глубине, в машинном отделении, конденсатор пел свою высокую, тонкую, одинокую песню, которую слышал только Сергей, звавшую на юг.

Глава 3. Дельта и эфирные лотосы

Утро встретило их не криками чаек и не солёным ветром открытого моря, а густой, влажной тишиной, в которой каждый звук казался событием.

Яхта «Тамара» замедлила ход, её вакуумные баллоны, до этого хищно рассекавшие воздух, теперь лишь лениво покачивались над самой водой, и в их мягком гудении появилась новая, низкая и протяжная нота, будто корабль сам не был уверен, стоит ли ему идти дальше. Сандро положил ладонь на медный поручень штурвала-астролябии и почувствовал, как металл под пальцами стал тёплым, как рука спящего человека.

— Ты чувствуешь? — спросил он, не оборачиваясь.

— Ещё как, — отозвался Сергей от главного конденсатора.

Он сидел на корточках, засунув руки по локоть в медное нутро машины, и что-то там подкручивал.

— Она волнуется, как лошадь перед незнакомым ручьём, никогда её такой не видел.

— Она не волнуется, — сказал Радде, стоявший на носу. Специалист по эфиру держал в руках длинную медную лупу и вертел её в пальцах, та привычка, от которой он, казалось, не мог избавиться уже лет двадцать. — Она слушает, ведь "Дельта" это не просто вода, господа, это уши мира. Здесь эфирные жилы выходят на поверхность и каждая, как струна. Если задеть не ту, то можно разбудить всю округу.

— А если задеть нужную? — спросил Сергей, вытирая руки о ветошь.

— Тогда, — Радде поднял лупу и посмотрел сквозь неё на воду, — можно услышать то, что обычно скрыто.

Сандро вытащил блокнот. Карандаш уже был заточен, он делал это каждое утро, как ритуал. На первой странице новой главы он написал: «Дельта. День первый. Тамара слушает».

И тут началось! Сначала по левому борту, у самой кромки илистой воды, вспыхнула одна голубая искра. Маленькая, как светлячок. Сандро моргнул, решив, что ему показалось. Но искра не исчезла. Она задрожала, запульсировала — и вдруг разрослась, выпустив тонкие, стеклянные лепестки, за ней вторая, третья, через мгновение вся поверхность вокруг «Тамары» засветилась мягким, переливающимся светом, и вода под кораблём стала прозрачной, как горный хрусталь.

Сандро ахнул, он не хотел выдавать своего удивления, это было не по-княжески, но ахнул.

Прямо под медным днищем яхты медленно, словно во сне, раскрылся гигантский цветок. Его лепестки были сделаны из тончайшего стекла, оплетённого медными жилками, чуть зеленоватыми от времени. Внутри, в самой сердцевине, пульсировала крошечная голубая точка, как сердце. Лотос дышал. Сандро готов был поклясться, что видел, как он дышит.

— Эфирные лотосы, — прошептал подошедший Сергей. Обычно громогласный, сейчас он говорил почти шёпотом. — Я читал о них, в старых журналах, думал, сказки.

— Не сказки, — Радде опустил лупу. Его голос дрогнул. — Я видел их один раз в детстве. Отец привозил меня сюда, тогда их было в десять раз больше, представьте, целое море.

— А сейчас? — спросил Сандро.

— А сейчас, — учёный помолчал, — они прячутся, как будто чувствуют что-то нехорошее.

Сандро наклонился над бортом. Вода была кристально чистой, в её глубине, освещённые голубым сиянием, виднелись стайки серебристых рыбок. Они кружили вокруг медных стеблей, словно танцуя. Одна из них подплыла к самому борту, посмотрела на Сандро круглым, удивлённым глазом и уплыла. Великий князь не удержался и опустил руку в воду.

Вода была тёплой, не как в море, там она бодрила, холодила, звала. Здесь она обнимала и когда его пальцы коснулись стеклянного лепестка ближайшего лотоса, цветок вздрогнул. Сан-

дро замер, боясь дышать. Лепестки медленно, очень медленно, сомкнулись вокруг его ладони. Не больно. Нежно. Как будто лотос хотел его рассмотреть.

— Ваше высочество, — тихо сказал Радде. — Не двигайтесь, он вас запоминает и считывает Ваш образ, данный Богом.

— Запоминает? — переспросил Сандро севшим голосом.

— Да, они запоминают тех, кто приходит с добром и тех, кто приходит со злом, это их способ говорить.

Сандро постоял ещё немного. Потом медленно вытащил руку. Лепестки разомкнулись не сразу, а как бы с сожалением, как будто прощались, на его ладони остался крошечный светящийся след, который через мгновение растаял.

— Что ты чувствуешь? — спросил Сергей. В его голосе не было ни капли иронии.

— Не знаю, — честно ответил Сандро. — Как будто меня... послушали.

Он вернулся к штурвалу и открыл блокнот, под первой записью он добавил вторую: «Лотосы живые. Они слушают и помнят, кто-то должен их защитить», немного подумав, дописал: «Наверное, это буду я».

Сам себе он показался смешным в данный момент, но вычёркивать не стал.

Яхта «Тамара» медленно продвигалась по протоке, оставляя за кормой светящийся след, который таял через несколько минут, как дыхание на стекле. Сандро сидел на скамье у борта и делал наброски в блокноте, не карты рисовал или схемы чертил, а просто рисовал лотосы в воде и свет который проходил сквозь них. Карандаш скользил быстро, и он сам не заметил, как начал улыбаться.

— Ты улыбаешься, — сказал Сергей, подходя. — Как идеалист.

— Заткнись, — беззлобно ответил Сандро.

— Не заткнись, это первый раз за всё путешествие, когда ты улыбаешься по-настоящему, а не из учтивости.

Сандро хотел что-то возразить, но тут Сергей схватил подозрную трубу.

— Ваше высочество. Смотри.

Сандро поднял голову. На песчаном берегу, поросшем высокой сочной травой, стояло стадо необычных оленей, их шерсть отливала серебром, как рыба чешуя, а на ветвистых рогах, словно дикий плоды, покачивались тонкие медные паутинки. Они двигались бесшумно, грациозно, и в их движениях не было ни капли страха.

— Ох, — выдохнул Сергей. — Красота-то какая.

— Не «красота», — поправил Радде, подходя. — Эфирные олени, они видят чувствуют жилы так же, как мы видим тропинки. Паутина на рогах, это их глаза. Они чувствуют любую фальшь.

— То есть, — Сергей прищурился, — они чувствуют, что мы не враги?

— Именно.

Вожак — крупный самец с антеннами, напоминающими корону, отделился от стада. Он не побежал и не насторожился, а просто пошёл к воде. Спокойно, как хозяин, который знает, что все вокруг его дом.

Сандро замер, вдруг стало страшно шевельнуться, как будто он боялся спугнуть не оленя, а что-то большее: тишину, доверие, которое висело в воздухе, как паутина.

Вожак вошёл в воду по колено. Он не пил. Он смотрел прямо на «Тамару». Его тёмные, влажные глаза были спокойны, и в них отражалось голубое свечение лотосов, а потом случилось то, чего Сандро не ожидал.

Молодой олень — маленький, с ещё не окрепшими антеннами, которые гнулись, как травинки, отделился от стада. Он подошёл к самой воде. Посмотрел на Сергея и сделал шаг, потом ещё один. Его копыта оставляли на влажном песке крошечные следы, которые тут же заполнялись светящейся водой.

Сергей перегнулся через борт так низко, что Сандро инстинктивно схватил его за пояс.
— Ты утонешь, — сказал он. — И я останусь без механика.

— Не утону, — отмахнулся Сергей. — Смотри, он идёт ко мне.

Молодой олень подошёл к самой кромке берега, туда, где «Тамара» почти касалась днищем илистого дна. Он вытянул шею. Обнюхал воздух. Его антенны тихо звякнули, не мелодично, а скорее вопросительно, как будто он спрашивал: «Ты кто?»

Сергей протянул руку. Ладонь, грубая от работы с медью и маслом, дрожала.

— Привет, — тихо сказал он. — Я тебя не обижу.

Олень обнюхал его ладонь. Его нос был холодным и влажным. Потом лизнул. Один раз, быстро, как будто случайно.

Сергей засмеялся, тихо, счастливо, как ребёнок.

— Ваше высочество, — позвал он, не оборачиваясь. — Вы это видели? Он меня лизнул!

— Видел, — ответил Сандро, и в его голосе было столько тепла, что Радде, стоявший у карты, поднял голову и улыбнулся.

— Это доверие, — сказал учёный. — Он вас принял, такое бывает раз в жизни.

Вожак фыркнул. Молодой олень вздрогнул и отступил на шаг, но перед этим, он ещё раз звякнул антеннами, на этот раз утвердительно, как будто сказал: «Я тебя запомнил», и вернулся к стаду.

Сергей ещё долго стоял, глядя на свою ладонь, на ней остался крошечный светящийся след, как будто от прикосновения к звёздам.

— Знаешь, — сказал он наконец, — я всю жизнь чиню машины. Они живые, я всегда это знал, но это... — он покачал головой. — Это другое, они не просто живые, а настоящие.

— Они чувствуют эфир, — сказал Радде. — И эфир чувствует их, это симбиоз. Олени пьют воду, очищенную лотосами. Лотосы питаются тем, что олени оставляют на берегу, а эфирные жилы связывают всё это в одно целое и получается, замкнутый круг.

— Красивый круг, — сказал Сандро.

— Опасный, — поправил Радде. — Разорви одну нить и рассыплется всё вокруг.

Сандро кивнул. Он смотрел на оленей и чувствовал, как в груди разливается тепло, то самое чувство, ради которого он отправился в это путешествие, не просто проверить, как живут люди, а увидеть именно эту гармонию. Услышать этот тихий звон. Понять, что Империя это не только карты и указы, а ещё и вот такие тихие моменты, полные доверия.

Он записал в блокноте: «Олени. Доверие. Круг. Не разрывать» и, немного подумав, добавил: «Сергей чуть не упал в воду. Надо будет потом над ним посмеяться. Но не сейчас».

Они отошли от берега, оставив оленей позади. «Тамара» углубилась в лабиринт протоков, где деревья смыкались над головой, образуя зелёный туннель. Свет лотосов здесь был тусклее, и Сандро, впервые за утро, почувствовал лёгкую тревогу. Он не мог понять, откуда она берётся. Всё было спокойно, слишком спокойно.

— Сергей, — позвал он. — Останови машину.

— Что-то не так, ваше высочество? — Сергей мгновенно насторожился, он знал этот тон.

Сандро не ответил, а смотрел на воду.

Сначала ему показалось, что это просто игра света. Деревья над головой смыкались плотнее, и голубые искры лотосов отражались в воде иначе, чем раньше. Но потом он заметил: вода стала мутной, не грязной, просто мутной, как будто в неё добавили молока, а лотосы... лотосы здесь были закрыты. Их лепестки сомкнулись, и в сердцевине не пульсировала голубая точка. Они спали или прятались.

— Радде, — позвал Сандро тихим голосом. — Посмотрите.

Учёный подошёл. Он вертел в пальцах свою лупу быстрее, чем обычно, это была плохая примета. Сандро уже знал, что когда Радде нервничает, он вертит лупу.

— Это не естественное угасание, — сказал Радде. Он наклонился над водой, и его лицо побледнело. — Это... повреждение. Жила больна.

— Больна? — переспросил Сергей. Он подошёл к борту, вытирая руки. — Чем?

— Не знаю, но это не случайность. Смотрите.

Радде указал на тёмное пятно, расплывавшееся на поверхности воды. Оно имело чёткие границы. Слишком чёткие для природного явления.

— Оно похоже на... сброс, — сказал учёный. — Кто-то слил что-то в воду, что-то, что убивает эфир.

Сандро сжал кулаки. Он вспомнил слова старейшины из горного аула: «На юге творится неладное. Там чужие люди жгут чёрный дым и прячут что-то в джунглях».

Вот оно, первое доказательство, не слухи, не страшилки. Реальная рана на теле мира и кто-то нанёс её намеренно.

— Сергей, — Сандро говорил спокойно, но его глаза потемнели. — У нас есть очищающий кристалл? Тот, что мы взяли в Астрахани?

— Есть, ваше высочество. В трюме, в медном ящике, но он один. Мы хотели использовать его в крайнем случае.

— Сейчас и есть крайний случай, — Сандро посмотрел на друга. — Сбрось его в воду, прямо над жилой.

Сергей кивнул и убежал в трюм. Через минуту он вернулся, держа в руках небольшую медную сферу, испещрённую гравировкой. Он перегнулся через борт и осторожно опустил её в воду. Сфера мягко зашипела, коснувшись поверхности, и начала растворяться, выпуская в воду поток серебристых искр.

Искры окружили больную жилу. Они не боролись с тёмным пятном, нет. Они просто... впитались в него. Пятно задрожало, побледнело и начало исчезать. Жила вздрогнула. Её свечение из грязно-жёлтого стало голубым, потом ярко-бирюзовым. Она вспыхнула так ярко, что на мгновение осветила весь туннель мангровых деревьев, а затем вернулась к своему обычному, ровному свету.

— Получилось, — выдохнул Сергей.

Сандро смотрел на чистую, светящуюся жилу. Он не чувствовал радости, а только холодную, твёрдую решимость.

— Это только начало, — тихо сказал он. — Мы очистили одну жилу, но кто-то ведь её отравил и этот кто-то всё ещё здесь.

Радде кивнул, он всё ещё вертел лупу в пальцах, но теперь медленнее.

— Вопрос не в том, кто это сделал, — сказал он. — Вопрос в том, зачем. Эфирные жилы нельзя отравить случайно, это требует знаний и оборудования. Такое под силу только тому, кто понимает, что делает.

— То есть, — Сергей нахмурился, — это не просто вредители. Это... профессионалы.

— Хуже, — сказал Радде. — Это те, кто знает истинную историю и хочет её уничтожить.

Сандро достал блокнот и карандаш. На чистой странице он написал всего три слова: **«Первое доказательство. Саботаж».**

Потом закрыл блокнот. Посмотрел на воду и чистую, светящуюся жилу. На закрытые лотосы, которые медленно, один за другим, начали раскрываться снова.

— Мы должны узнать, кто это сделал, — тихо сказал он. — И остановить их, пока они не убили всю дельту.

Он не сказал «пока они не убили нас», но все трое: Сандро, Радде и Сергей, подумали об этом, каждый по-своему и каждый промолчал.

Яхта «Тамара» медленно двинулась дальше. Вода за кормой снова светилась голубым, но где-то в глубине, в самой глубине дельты, тёмное пятно ещё жило. Ждало и кто-то там, на берегу, среди мангровых деревьев, уже знал, что его заметили.

Вечером Сандро сидел на палубе и смотрел на закат. Небо над дельтой было необычным, не оранжевым, а каким-то сиреневым, как будто где-то далеко, за горизонтом, кто-то рассыпал чернила.

Сергей подошёл и молча сел рядом, что было редкостью.

— Ты чего? — спросил Сандро.

— Думаю, — ответил Сергей. — О том молодом олене, он меня лизнул.

— Я помню.

— А ведь он мог и укусить или убежать, но он не убежал, а доверился.

Сандро кивнул.

— Мы тоже доверились, — сказал он. — Когда отправились в это путешествие. Могли ведь и не отправиться. Сидели бы в столице, пили чай, читали доклады.

— Скукота, — сказал Сергей.

— Скукота, — согласился Сандро.

Они помолчали. Потом Сергей сказал:

— Знаешь, что я думаю? Этот кто-то, тот, кто отравил жилу. Он ведь тоже когда-то кому-то доверился, а потом перестал и решил, что проще разрушать, чем строить.

— Может быть, — сказал Сандро.

— И что мы будем делать?

Сандро посмотрел на закат, на сиреневые чернила, расплывающиеся по небу, на светящуюся воду, на закрытые лотосы, которые, как он знал, снова откроются утром.

— То же, что и всегда, — сказал он. — Смотреть своими глазами, не верить на слово и искать правду.

Великий князь достал блокнот. Открыл на первой странице. Под словами «Дельта. День первый. Тамара слушает» он дописал: «Тамара услышала. Теперь мы должны ответить».

Глава 4. Древний узел в горах

Яхта «Тамара» плавно и незаметно оторвалась от воды на рассвете и Сандро сразу понял, что боится. Он не подал вида. Великие князья не боятся. Великие князья стоят на палубе, держась за медные перила, и смотрят, как внизу растворяется дельта, и думают о высоком. Сандро думал о высоком. Конкретно о том, что если вакуумные сферы откажут, они рухнут с высоты примерно в тысячу метров, и от него останется мокрое место. Он даже ненадолго зажмурился, на полсекунды.

Но полсекунды хватило. Его лицо сделало то, что лицо великого князя делать не должно, а именно глаза расширились до размеров блюдца, брови уехали куда-то под шапку волос, а рот приоткрылся, как у рыбы, которую вытащили из аквариума и забыли вернуть. Сандро почувствовал, как краска заливает щеки, от шеи до самых ушей. Он стал красным, как варёный рак, как свёкла или пожарная машина.

— Ваше высочество? — раздался голос Сергея. — Вы чего глаза зажмурили и покраснели? Вам плохо?

— Мне хорошо, — соврал Сандро. Голос дал петуха. — Я... медитирую.

— Ага, — Сергей не поверил, но спорить не стал. Он сидел на корточках у главного конденсатора, засунув руки по локоть в медное нутро, и его лицо было перепачкано маслом так, что напоминало боевую раскраску индейцев. На носу блестела капля пота. Он напевал какую-то дурацкую песенку про трёх поросят, фальшиво и громко.

— Ты бы помолчал, — сказал Сандро. — У меня от твоих поросят уши вянут.

— А вы не слушайте, — отозвался Сергей. — Я для «Тамары» пою, она любит.

— Она тебе сказала?

— Она гудит в такт. Слышите? — Сергей замер и правда, низкий, протяжный гул, идущий от вакуумных сфер, вдруг изменился. Стал чуть выше, чуть мягче, как будто корабль отозвался. — Вот, она меня хвалит.

Сандро фыркнул, но, честно говоря, ему стало легче. Он отпустил перила и пальцы оставили на меди вмятины от судорожной хватки, и отошёл к центру палубы. Внизу расстиралось море облаков. Белых, пушистых, подсвеченных утренним солнцем так, что они казались сделанными из сахара. Сандро захотелось их лизнуть, он не стал, но очень захотелось.

— Радде! — позвал он. — Далеко ещё?

Учёный стоял на носу, вглядываясь в горизонт через свою лупу. Специалист по эфирным маршрутам вертел её в пальцах быстро-быстро, как волчок. Сандро уже знал, что когда Радде вертит лупу быстро то жди беды. Он подошёл.

— Что? — спросил он. — Что вы видите?

— Пока ничего, — сказал Радде, слишком быстро сказал, как будто хотел это скрыть.

— Вы врётё.

— Я не вру, я ... недоговариваю.

— Это то же самое.

Радде посмотрел на него и тут случилось невероятное. Учёный, который всегда был сама невозмутимость, вдруг покраснел, потом побледнел, потом покраснел снова. Его лицо меняло цвет, как светофор, который сошёл с ума. Лупа в его руках завертелась с такой скоростью, что из неё повалил дым. Настоящий дым! Серый, вонючий, как от перегретого мотора.

— Радде! — Сандро схватил его за руку. — Лупа!

— А? Что? — Радде посмотрел на свою руку. Лупа дымилась. Он ойкнул, выронил её, и она покатила по палубе, оставляя за собой крошечные искры. — О боже. О боже. Это уже вторая за неделю.

— Что с вами?

— Ничего. Всё. Я просто... я не хотел, чтобы вы это видели.

— Что видели? Дымящуюся лупу?

— Нет, это! — Радде махнул рукой вперёд и Сандро посмотрел.

Облачная пелена впереди разошлась, как театральная занавес. Гора поднималась из облаков, как спина спящего дракона. Огромная. Небо над ней казалось низким, а облака прижатыми к земле. На вершине, врезавшись в скалы, стояла крепость. Звезда. Правильная, симметричная, с лучами-бастионами. Стены из тёмного камня, отливающего медью. В центре башня с пустым куполом. Купол зиял дырой, как выбитый глаз.

— Звезда-крепость, — прошептал Сергей, он подошёл и встал рядом, вытирая руки. — Я думал, они все разрушены.

— Эта нет, — сказал Радде дрогнувшим голосом. — Она... ждёт.

— Кого? — спросил Сандро.

Радде открыл рот, потом закрыл. Открыл снова и заплакал, не как взрослый мужчина, который сдерживается, а как ребёнок, у которого отобрали конфету: громко, с всхлипами, с соплями. Слёзы текли по его лицу ручьями, капали на сюртук, на карты, которые он держал в руках. Карты намокли и разъехались.

Сандро и Сергей переглянулись. Сергей пожал плечами. Сандро вздохнул.

— Ладно, — сказал он. — Потом, всё потом.

Яхта «Тамара» мягко опустилась на каменную площадку. Ворота крепости были открыты. За ними — темнота. Сандро постоял, глядя в эту темноту. Потом достал блокнот и написал: **«Звезда-крепость. Врата открыты. Радде плакал. Лупа сгорела. День начинается странно»**, немного подумав, добавил: **«Я покраснел. Дважды. Надо это прекращать»**.

Внутри крепости было тихо. Но не просто тихо, а как-то даже неправильно. Шаги растворялись в этой тишине, не оставляя эха, как будто стены пили звук.

— Мне это не нравится, — сказал Сергей, он шёл последним, то и дело оглядываясь. — Тут пахнет... сыростью, железом и чем-то ещё.

— Чем? — спросил Сандро.

— Не знаю, как будто... старым чаем, который на месяц забыли в чашке.

Сандро принялся. Сергей был прав. Пахло именно так, затхлым, забытым, старым. Мох на стенах был влажным на ощупь, и когда Сандро провёл по нему пальцами, они стали липкими. Он некрасиво вытер их о штаны, но было плевать. В воздухе висел запах пыли, не обычной, а медной, ржавой, как будто здесь столетиями точили металл и ещё чувствовался запах мокрого камня. Холодного, тяжёлого, как в подвале, куда никогда не заглядывает солнце.

— Осторожно, — сказал Радде. Он шёл первым, держа эфирный фонарик. Его свет был слабым. Сандро провёл по одной из линий на стене. Металл был тёплым, как будто стены дышали.

— Что это? — спросил он.

— Карта, — ответил Радде. — Эфирная карта мира. Видите линии? Это жилы.

— Красиво, — тихо сказал Сергей. — Как паутина.

— Опасная паутина, — поправил Радде. — Разорви одну нить и всё рухнет.

Сандро хотел спросить, что он имеет в виду, но не стал. Он устал от его загадок. Они шли долго. Коридоры петляли. Сандро потерял счёт времени. Он уже начал думать, что они заблудились, когда Сергей вдруг остановился.

— Стойте, — сказал он.

— Что?

— Я слышу. — Сергей наклонил голову. — Кто-то... дышит.

Сандро прислушался. Сначала ничего. Потом услышали слабый, ритмичный звук, как будто вдалеке работали меха или дышало что-то очень большое.

— Это голем, — сказал Радде. — Мы пришли.

Они стояли в огромном зале. Свод терялся в темноте. В центре, на каменном постаменте, возвышался Голем.

Сандро видел големов раньше. В столице они грузили ящики, чистили улицы, помогали в порту, но этот был другим. Он был огромным, сажени четыре. Тело собрано из медных пластин, соединённых заклёпками, потемневшими от времени. Мох рос в трещинах, свисал с плеч, обвивал руки. Голем стоял, склонив голову, как будто спал. Его глаза — две большие линзы из горного хрусталя, были погасшими. В груди, под медной пластиной, виднелась сфера. Благинь. Тусклая, почти чёрная.

— Он мёртв? — шёпотом спросил Сергей.

— Нет, — Радде покачал головой. — Он спит.

Сергей подошёл к голему и осторожно коснулся его руки. Мох был мягким, как шерсть. Он провёл пальцами по пластинам, нащупал заклёпки, потом край грудной пластины.

— Тут можно открыть, — сказал он. — Я вижу шов.

— Не трогай, — резко сказал Радде. — Мы не знаем...

— Знаем, — Сергей посмотрел на него. — Он болен, я вижу, благинь засорилась, если почистить он оживёт.

— А если нет?

— Тогда мы ничего не потеряем, он и так спит.

Сандро перевёл взгляд с Сергея на Радде, потом на голема. Мох на его плечах шевелился от сквозняка, как будто голем дышал. Сандро вспомнил лотосы, оленей, слова старейшины: «Вы его разбудили. Значит, вы настоящий».

— Открывай, — сказал он.

Сергей кивнул и достал медную отвёртку. Пластина поддалась не сразу. Она была прикипевшей, но Сергей не торопился, а действовал медленно, аккуратно, как хирург. Сандро смотрел на его руки и думал: вот почему Сергей чинит машины. Потому что он их любит, а кто любит, тот не спешит.

Пластина отошла. Внутри, в медной колыбели, лежала благинь. Сфера размером с кулак, покрытая сетью трубок. Почти чёрная. Только в сердцевине теплилась крошечная голубая искра.

— Жива, — выдохнул Сергей. — Еле-еле, но жива.

Он осторожно вынул сферу. Трубки натянулись, как струны, но не порвались. Сергей достал флакон с очищающим маслом и капнул одну каплю, вторую, третью... Масло впиталось в сеть трубок, растеклось, как кровь по венам. Голубая искра задрожала, а потом вспыхнула.

Сфера засветилась. Свет разливался по трубкам, по медным жилам голема, по рукам, по ногам. Мох на плечах начал сохнуть и осыпаться. Линзы глаз дрогнули и открылись.

Сандро отшатнулся. Глаза голема светились тёплым, золотистым светом. Они были добрыми, как глаза старой собаки, которая узнала хозяина.

И тут голем чихнул, не сдержался, а просто взял и чихнул. Огромный, медный, четырёхметровый голем чихнул. Из его носа вылетело облако пыли, мха и каких-то мелких камешков. Сандро отпрыгнул в сторону, споткнулся, упал на пятую точку и замер, глядя на голема снизу вверх.

— Будь здоров, — сказал Сергей и засмеялся. Громко, заливисто, как ребёнок.

Голем посмотрел на него, потом на Сандро, потом на Радде и, кажется, смутился. Его медные щёки, если у голема могут быть щёки, стали чуть розовее. Он отвёл взгляд и медленно, очень медленно, протянул Сандро цветок.

Медный, со стеклянными лепестками, отливающими голубым. В сердцевине пульсировала крошечная искра. Сандро взял. Цветок был тёплым.

— Спасибо, — прошептал он.

Голем не ответил. Он просто смотрел на него, а потом медленно, очень медленно — опустился обратно на постамент. Свет в его глазах погас, но не до конца. Теперь в них теплилась та же искра, что и в цветке.

Сандро посмотрел на цветок, на одном из лепестков, у самого края, он заметил крошечную гравировку. Буквы были стёртыми, но он разобрал:

«Ост-Индская компания. Год 17—»

Цифры были стёрты, не временем, а кем-то, намеренно.

— Радде, — позвал он тихо. — Посмотри.

Учёный подошёл, взял цветок, поднёс к свету. Его лицо побледнело, а руки задрожали. Он смотрел на гравировку очень долго, а потом снова заплакал. Громко, с всхлипами, с соплями, как в первый раз.

— Ост-Индская компания, — тихо сказал он. — Значит, это правда.

— Что правда? — спросил Сергей.

Радде не ответил. Он смотрел на цветок, и слёзы текли по его лицу. Сандро впервые видел, как Радде плачет, это было... неприятно. Как будто увидел отца без штанов. Но в то же время, что-то в этом было, что-то настоящее.

— Потом, — сказал Радде. — Я расскажу вам потом, но не здесь. — Он вытер лицо рукавом. — И, пожалуйста, не смотрите на меня так.

— Как?

— Как будто я экспонат в музее. Я не экспонат, а просто старый дурак, который слишком долго молчал.

Сандро кивнул и забрал теплый, как будто живой цветок. Спрятал во внутренний карман.

Они вышли из зала молча. Голем остался стоять на постаменте. Он спал, но теперь уже не мёртвым сном.

Путешественники вышли на закате. Небо было сиреневым, как будто кто-то рассыпал чернила. Облака внизу порозовели. Яхта «Тамара» стояла на скале, как сказочная птица. Сандро вдохнул воздух, он пах снегом. Высокогорным, чистым, холодным снегом, хотя снега вокруг не было. Просто воздух на такой высоте пах именно так, как будто кто-то открыл морозильник. Сандро поёжился, но не от холода, от чего-то другого.

Он стоял у края площадки и смотрел вниз. Там, под облаками, была дельта. Лотосы. Олени и больная жила, Великий князь думал о ней, о том, кто её отравил и о гравировке.

— Ост-Индская компания, — тихо сказал он.

Сергей подошёл и встал рядом. Он больше не вытирал руки. Просто стоял и смотрел на закат.

— Что это значит? — спросил он.

— Не знаю, но наш Радде знает, или он не наш? Он однозначно что-то скрывает.

— Все что-то скрывают, — Сергей пожал плечами. — Даже ты.

— Я не скрываю.

— Скрываешь! Ты боишься.

— Чего?

— Того, что мы найдём, что правда окажется хуже, чем мы думаем.

Сандро помолчал, потом кивнул.

— Да. Боюсь.

— Я тоже, — сказал Сергей. — Но знаешь что?

— Что?

— Я голоден. Очень и если мы сейчас не вернёмся на корабль и не поедим, я начну есть мох со стен, а он, судя по запаху, несъедобный.

Сандро засмеялся. Легко, по-настоящему. Впервые за долгое время.

— Ты невозможен, — сказал он.

— Знаю, — Сергей хлопнул его по плечу. — Пойдём. Радде ждёт и, кажется, он готов всё рассказать.

Они вернулись на корабль. Радде сидел в кают-компании, разложив на столе старые карты. Перед ним стояла чашка чая. Она остыла, но он к ней не притронулся.

— Я расскажу, — сказал Радде. — Всё расскажу.

Он взял чашку, сделал глоток и поморщился.

— Чай холодный, — сказал он. — И горький.

— Так заварите новый, — сказал Сергей.

— Не в этом дело. — Радде посмотрел на него. — Дело в том, что этот чай последний. Я заварил его, когда мы вышли из дельты. Думал, что успею рассказать вам всё до того, как он остынет, но не успел, потому что я трус.

— Вы не трус, — сказал Сандро.

— Трус. — Радде поставил чашку. — Слушайте. Ост-Индская компания, это не то, что вы думаете, это не английская компания. Это...

Он замолчал, посмотрел на цветок, на гравировку.

— Это российская имперская компания, — сказал он.

Сандро почувствовал, как что-то холодное опускается в его грудь, как будто он проглотил кусок льда. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но не смог. Слова застряли где-то в горле.

— Что? — наконец выдал он.

— Российская, наша, — повторил Радде. — Она была создана двести лет назад. Империей, для торговли с Индией, а потом... потом англичане украли её историю. Переписали документы, присвоили себе и теперь весь мир думает, что Ост-Индская компания - британская, а это ложь.

Сандро долго молчал. Очень долго, смотрел на Радде, и в его глазах было что-то, чего Сергей раньше не видел, что-то тёмное и тяжёлое.

— Вы знали? — спросил Сандро тихим голосом.

— Знал.

— Как давно?

— С детства, мне отец рассказал.

— И вы молчали? — Голос Сандро начал подниматься. — Всё это время? Пока мы шли через дельту? Пока мы видели, как гибнут лотосы? Пока мы нашли этот цветок? Вы молчали?

— Я... — Радде сглотнул. — Я боялся.

— Боялись? — Сандро встал. Стол качнулся. Чашка Радде задрожала. — Вы боялись, а мы нет? Мы шли в крепость. Мы разбудили голема. Мы не знали, что нас ждёт, а вы знали и молчали.

— Ваше высочество... — начал Сергей.

— Нет, — Сандро обернулся к нему. — Пусть он скажет. Пусть скажет, почему он молчал! Почему он позволил нам идти вслепую? Почему он плакал в крепости, как ребёнок, вместо того чтобы сказать правду?

Радде опустил голову. Его плечи дрожали. Он не плакал. Уже не плакал. Он просто сидел, сгорбившись, как старик, которого ударили в спину.

— Потому что я трус, — сказал он. — Я всегда был трусом. Я знал правду, но боялся её рассказать. Боялся, что мне не поверят, что меня высмеют, что... что это ничего не изменит. Что мир останется таким, какой он есть и я... я предпочёл молчать, потому что так было легче, чем бороться.

Сандро долго смотрел на него. Очень долго, потом медленно сел. Опустился на стул, как будто из него выпустили воздух.

— Я злюсь на вас, — сказал он. — Очень злюсь.

— Я знаю.

— Но я вас понимаю.

Радде поднял голову, в его глазах было удивление.

— Понимаете?

— Да, — Сандро вздохнул. — Я тоже боюсь. Я боюсь, что правда окажется хуже, чем я думаю. Я боюсь, что мы не справимся. Я боюсь... многого, но я иду, потому что иначе нельзя, потому что если все будут бояться и молчать, то ничего и никогда не изменится.

Сергей молчал. Он смотрел на них, на Сандро, который злился и понимал, на Радде, который плакал и признавался, и в его глазах было что-то тёплое, что не нуждалось в словах.

— Ладно, — сказал Сергей. — Хватит, мы всё поняли. Радде трус. Сандро злится. Я голоден, давайте уже что-нибудь съедим.

Сандро засмеялся. Радде тоже. Сначала неуверенно, потом громче. Смех заполнил кают-компанию, вытеснил холод, вытеснил тяжесть, на мгновение, только на мгновение, всё стало легче.

— Хорошо, — сказал Сандро. — Едим, а потом вы расскажете нам всё, до конца и без утайки.

— Без утайки, — кивнул Радде.

Они ели молча. Чай был холодным, но они его допили, до дна, а потом Радде рассказал всё. О имперской Ост-Индской компании, о подделанных документах, о том, как англичане украли историю, как двести лет весь мир верит в ложь, кто мог отравить эфирную жилу и зачем.

Сандро слушал, не перебивал, не злился, а просто слушал и записывал в свой блокнот, на чистые страницы. Потому что правда это тяжёлый камень, но его всё равно нужно нести и лучше не одному.

Сандро достал блокнот и написал: **«Ост-Индская компания — имперская. Англичане украли историю. Тот, кто отравил жилу, знает правду и хочет её скрыть. Радде боялся. Я злился. Сергей был голоден. Мы все люди и это нормально».**

И, немного подумав, добавил: **«Мы найдём врага и тогда посмотрим, кто кого».**

Он закрыл блокнот, посмотрел на Радде, а тот всё ещё смотрел на цветок и в его глазах была не только печаль, но ещё и решимость.

— Завтра, — сказал Радде. — Завтра мы отправимся дальше.

— Куда?

— В Индию, на Цейлон, в архив Ост-Индской компании, там все документы и доказательства. Мы возьмём их и покажем Императору.

Сандро кивнул, допил холодный, горький чай и пошёл спать.

Глава 5. Аул и ветряные арфы

Спуск в аул начался с того, что Сергей упал, но не в пропасть. Слава богу, не в пропасть. Просто поскользнулся на мокром камне, взмахнул руками, как мельница, которую внезапно выключили, и сел на пятую точку с глухим стуком. Эхо от стука прокатилось по ущелью, вернулось через секунду и стукнуло его ещё раз, уже по ушам.

— Ты цел? — спросил Сандро, не оборачиваясь.

— Я да, — отозвался Сергей, поднимаясь и отряхивая штаны. — А вот моя гордость нет, она осталась вон на том камне.

— Твоя гордость давно должна была научиться ходить по горам, — сказал Радде, не оборачиваясь. Он шёл первым, опираясь на посох. — Мы спускаемся уже час, за это время ты падал четыре раза.

— Пять, — поправил Сергей. — Один раз я упал, но не сказал, мне было стыдно.

— А сейчас не стыдно?

— Сейчас я привык, стыд это как синяк, сначала больно, потом чешется, потом проходит.

Сандро фыркнул. Он шёл последним, держась за медные скобы, вделанные в скалу. Скобы были тёплыми, не горячими, а тёплыми, как живыми. В этом мире всё, к чему прикасалась эфирная жила, становилось тёплым, камень, металл, дерево, даже воздух.

Воздух здесь пах по-другому, не сыростью, как в крепости, не старым чаем, как в дельте, а дымом, сладким, как будто кто-то топил печь сушёными яблоками. Сандро принялся, так и есть, яблоками, и ещё мятой, и ещё чем-то, что он не мог назвать, чем-то, от чего в груди становилось тепло и спокойно, как в детстве, когда мать укрывала его одеялом и говорила: «Спи, маленький, всё будет хорошо».

— Ты чувствуешь? — тихо спросил он.

— Что? — Сергей обернулся.

— Запах, как будто... дом.

Сергей принялся, потом кивнул.

— Яблоки, — сказал он. — И мята, у моей бабушки в поместье так пахло, когда она пекла шарлотку, я тогда был маленький, и мне казалось, что если я съем всю шарлотку, то стану счастливым навсегда, я съел, не стал, но было вкусно.

— А что случилось потом?

— Потом меня тошнило, три дня, бабушка говорила, что это урок, не жадничай, но я всё равно жадничаю, просто теперь понемногу.

Они спускались ещё полчаса. Тропа вилась между скалами, с каждым шагом аул становился всё ближе. Сандро видел его сверху, маленькие домики, прилепившиеся к скалам, как гнёзда ласточек, не на скалах, а в скалах, они были частью горы, их стены были сложены из того же камня, и если бы не медные крыши, их можно было бы и не заметить.

Крыши были медными, не сплошными, а собранными из сотен тонких пластин, которые при малейшем ветре начинали дрожать и издавать тихий, мелодичный звон. Сандро остановился и замер. Он слышал этот звон, но не ушами, а грудью и сердцем, как будто кто-то играл на огромной арфе, струны которой были натянуты между небом и землёй.

— Ветряные арфы, — сказал Радде. Он тоже остановился. — Я слышал о них, но никогда не слышал их самих, это... — он замолчал, подыскивая слово.

— Красиво, — сказал Сандро.

— Не просто красиво, а это разговор. Гора говорит с аулом, аул отвечает, и пока этот разговор не прерывается, то всё хорошо.

— А если прервётся?

Радде не ответил, но Сандро и так понял. Он вспомнил большую жилу в дельте, лотосы, которые закрылись, оленей, которые не пили воду. Если разговор прервётся, то прервётся и жизнь.

Они вошли в аул на закате, их встретили не хлебом-солью, их встретили водой.

Старейшина стоял у входа в аул. Невысокий, сухой, как корень, с лицом, изрезанным морщинами, как карта. Ему можно было дать и шестьдесят, и восемьдесят, и сто. Его глаза были молодыми. Они смотрели на Сандро не с почтением, не с любопытством, а с чем-то другим, с узнаванием.

В руках старейшина держал чашу. Не медную, а деревянную, вырезанную из целого куска ствола, покрытую тонкой резьбой. В чаше была вода. Она светилась, мягко, голубым, как лотосы в дельте, как благинь в груди голема, как всё, что в этом мире было живым.

— Ваше высочество, — сказал старейшина. Голос у него был тихий, но слышный, как будто он говорил не горлом, а всей своей сухой, лёгкой фигурой. — Вы пришли, мы ждали.

— Ждали? — Сандро нахмурился. — Откуда вы знали?

— Арфы сказали, — старейшина улыбнулся, улыбка была невесёлой. — Когда вы вошли в ущелье, они заиграли другую песню, мы такие песни знаем, это песня гостей, но не просто гостей, это песня тех, кто идёт с добром.

Он протянул чашу. Сандро взял. Вода была тёплой. Он сделал глоток и замер. Вода была не просто водой, она была памятью. Он почувствовал вкус детства, вкус материнского молока, вкус первого снега на языке, вкус смеха, не своего, а чужого, но от этого ещё более сладкого. Он сделал ещё глоток и почувствовал, как что-то тёмное, тяжёлое, что он нёс в себе с самого начала путешествия, отступает, растворяется, уходит.

— Что это? — спросил он и голос у него осел.

— Живая вода, — сказал старейшина. — Эфирная, мы берём её из жил, которые проходят под аулом, она помнит всё, всё, что было, и всё, что будет, она помнит вас, ваше высочество.

— Меня? Я здесь впервые.

— Не вы, ваша кровь, ваш род, ваш отец, его отец, его отец, все они пили эту воду, все они останавливались здесь, прежде чем идти дальше, на юг.

Сандро посмотрел на чашу, на воду, на своё искажённое, дрожащее, но всё же узнаваемое отражение. Он подумал: сколько ещё тайн в этом мире? Сколько ещё дверей, которые он откроет, и за каждой ещё одна дверь? Он устал. Но одновременно впервые за долгое время почувствовал, что устал не зря.

— Спасибо, — сказал он, и вернул чашу.

Старейшина кивнул, потом повернулся и молча пошёл в аул. Они пошли за ним.

Аул был маленьким. Двадцать домов, может, тридцать. Улиц не было, лишь тропинки, которые вились между домами, как нитки в клубке. По тропинкам ходили немногочисленные люди. Сандро насчитал человек десять, не больше. Старики, женщины, дети. Молодых мужчин совсем не было.

И тут Сергей остановился. Он смотрел в маленький, обнесённый низкой каменной оградой двор. Там, на утоптанной земле, сидел мальчик. Лет семи, не больше. Худой, с острыми коленками и слишком большими для его лица глазами. Он катал по двору простое деревянное колесо от старой телеги. Катал туда, обратно, туда, обратно, совершенно один.

— Эй, — тихо позвал Сергей.

Мальчик поднял голову.

— А где твои друзья? — спросил Сергей.

Мальчик пристально посмотрел на него, потом снова опустил голову и покатил колесо дальше, туда и обратно.

Сергей не стал переспрашивать, просто стоял и смотрел и Сандро, который подошёл сзади, тоже смотрел и Радде. Все трое молчали, потому что молчание мальчика было громче любых слов.

Дальше они шли мимо других дворов. В одном старуха сидела на пороге и смотрела на дорогу, просто смотрела, не ждала никого конкретно, просто смотрела. В другом старик чинил лодку. Лодку. В ауле, который стоял на скале, в сотне метров над уровнем моря! Лодка была старая, рассохшаяся, с дырой в борту. Старик заделывал дыру, медленно, тщательно, как будто от этого зависела его жизнь, хотя всем было ясно, что лодка эта никогда не увидит воды.

— Они ждут, — тихо сказал Радде.

— Кого? — спросил Сандро.

— Тех, кто ушёл, — Радде смотрел на старика с лодкой. — Они не верят, что те не вернуться, они чинят лодки, смотрят на дорогу, катают колесо в одиночку, потому что если перестать ждать, значит, признать, что их больше нет.

Сандро ничего не сказал. Он просто достал блокнот и записал: **«Аул. Мальчик с колесом. Старуха на пороге. Старик с лодкой. Все ждут одни».**

Дома были красивыми, что Сандро отметил сразу. Стены сложены из плоского камня, подогнанного так плотно, что между ними не пролезал даже нож. Крыши медные, дрожащие на ветру, поющие. Флюгеры на крышах не просто декорация, это были конденсаторы. Сандро узнал их по форме спирали, выющиеся вокруг вертикальной оси, как раковины улиток. Ветер закручивался в них, собирался, накапливался и превращался в эфир, тот самый эфир, который потом шёл в дома, в лампы, в печи, в жизнь.

— Они не просто живут в горах, — сказал Сандро. — Они живут с горами.

— Да, — сказал Радде. — И горы живут с ними, это партнёрство, не власть, не покорение, партнёрство.

— А чужие? Те, что на юге? Они ведь не партнёры.

— Нет, они — хозяева, они думают, что можно владеть горой, владеть водой, владеть воздухом, они ошибаются, но пока они ошибаются, они разрушают.

Они остановились у большого дома. Самого большого в ауле. Дверь была открыта. Из неё пахло яблоками и мятой, и ещё, чем-то горячим, хлебом.

— Заходите, — сказал старейшина. — Вы голодны, мы накормим вас, а потом поговорим.

Они зашли внутрь. Стол был длинным, не потому, что в доме было много народу, а потому, что он тянулся вдоль всей стены, на столе стояли блюда в большом количестве. Сандро не ожидал такого. Он думал, что горный аул, это бедность, скудная пища, но он ошибся. На столе присутствовали: пироги с яблоками, с мятой, с какими-то ягодами, которые Сандро не знал; сыр твёрдый, солёный, с плесенью, такой, какой делают только в горах; мясо не жареное, а тушёное, в глиняном горшке, с травами; чай не простой, а с мёдом и с чем-то ещё, от чего по всему телу разливалось тепло.

— Садитесь, — сказал старейшина. — Ешьте, не стесняйтесь, у нас не принято стесняться.

Сергей не заставил себя упрашивать. Он сел первым, взял пирог, откусил и застонал от удовольствия едой.

— Это... — он прожевал. — Это лучшее, что я ел в жизни, и я не преувеличиваю, я ел много, но это...

— Это пирог с дикой яблоней, — сказала старуха, которая сидела у печи. Она была маленькой, сухой, с руками, как корни. — Яблоки собирают в горах, их никто не сажает, они растут сами, и потому они дикие, и потому они и вкусные.

— А что за травы? — спросил Сергей, жуя.

— Мята, чабрец, и ещё одна, не скажу какая, секрет.

— Я умру, если не узнаю.

— Тогда умри счастливым.

Сергей засмеялся. Сандро тоже. Даже Радде и тот улыбнулся. Впервые за долгое время. Улыбка у него была кривая, как будто он разучился ею пользоваться, но всё же улыбка.

Они ели, потом старейшина отставил чашку и посмотрел на Сандро. Взгляд у него был прямой, не тяжёлый, а прямой, как стрела.

— Ваше высочество, — сказал он. — Вы пришли сюда не просто так, вы ищете, я вижу это по вашим глазам, вы ищете правду.

— Да, — сказал Сандро. — Ищу.

— Тогда слушайте, — старейшина понизил голос, не до шёпота опустил, но был близко к этому. — На юге творится неладное.

— Я знаю, мы видели дельту, лотосы, больную жилу.

— Это только начало, — старейшина покачал головой. — Дальше хуже, там, на юге, чужие люди жгут чёрный дым, они называют это нефтью, они говорят, что это прогресс, что это будущее, но это не будущее, для всех нас смерть.

— Где именно? — Сандро достал блокнот.

— В джунглях, за перевалом, там есть завод, большой, они построили его три года назад, сначала мы не поняли, что это, думали фабрика, но потом... — он замолчал.

— Что потом?

— Потом наши люди начали болеть, те, кто ходил туда на работу, они возвращались... другими, не злыми, а пустыми, как будто из них что-то вынули, а потом... — старейшина снова замолчал, на этот раз дольше.

— Что? — тихо спросил Сандро.

— Потом они начали умирать, — старейшина сказал это ровно, без эмоций, как будто читал список. — Пятеро, за полгода, молодые, здоровые, они умирали во сне, просто не просыпались, мы не знаем, почему, мы не врачи, но мы знаем, что это отсюда.

Радде резко встал, да так, что стул отъехал назад с визгом. Все посмотрели на него. Он стоял, сжимая кулаки. Его лицо было бледным. Очень бледным. Таким бледным, что Сандро испугался.

— Радде? — тихо сказал он.

Радде не ответил. Он долго смотрел на старейшину. Очень долго, а потом отвернулся, и вышел из-за стола, и вышел из дома, в темноту и ночь.

Сандро хотел пойти за ним, но старейшина положил руку ему на плечо сухую, лёгкую руку.

— Не надо, — сказал он. — Ему нужно побыть одному.

— Почему? — Сандро посмотрел на него. — Что с ним?

— Он знает, — сказал старейшина. — Он знал об этом раньше нас, и ничего не сделал, теперь он это вспомнил.

Сандро молчал. Он вспомнил Радде, плачущий над цветком, называющего себя трусом, который слишком долго молчал. Теперь он молчал снова, но по-другому. Теперь он молчал зная.

— Ваше высочество, — сказал старейшина. — Я не прошу вас о помощи, вы имперский Великий князь, у вас свои задачи, но я прошу вас об одном.

Сандро хотел сказать: «Я не могу обещать». Это был рефлекс инспектора, который не обещает, а докладывает и выполняет инструкции, но он посмотрел в глаза старейшины. В эти старые, молодые, всё понимающие глаза, и понял, что может.

— О чём? — спросил он.

— Когда вы найдёте тех, кто это делает... Когда вы доберётесь до завода... Не убивайте их, не мстите, покажите им правду, они не злые, они заблудшие, наверняка думают, что строят будущее, а копают могилу, покажите им это, и, может быть, они поймут.

Сандро долго молчал. Он думал о дельте, о лотосах, о големе, о пятерых мёртвых, о мальчишке с колесом, о старухе на пороге, о старике с лодкой и он думал о тех, на юге, о тех, кто жжёт чёрный дым, кто не знает, что творит.

— Хорошо, — сказал он. — Я обещаю.

Старейшина кивнул, потом встал.

— Пойдёмте, — сказал он. — Я покажу вам арфу.

Арфа стояла на краю аула у самого обрыва.

Она была огромной и выглядела, не как музыкальный инструмент, а как дерево. Ствол из цельного куска кедра, которому было не меньше пятисот лет. Струны сделаны из медной проволоки, натянутой между стволом и скалой. Ветер проходил сквозь них и рождал звук, как бы не мелодию, а долгое и протяжное, как вздох горы.

Сандро стоял и слушал. Он не знал, сколько прошло времени. Может, минута, а может, час. Время здесь текло по-другому, как вода в жиле, медленно, печально, красиво.

Он поднял руку, и коснулся струны. Струна вздрогнула. Звук изменился. Стал выше, чище, ярче, как будто арфа узнала его, как будто она ждала именно его прикосновения. Сандро отдернул руку, но звук не исчез. Он остался и висел в воздухе, дрожал, переливался.

— Она вас узнала, — сказал старейшина.

— Как? — Сандро обернулся. — Я здесь впервые.

— Она помнит вашу кровь, — старейшина смотрел на него. — Ваш род, ваших предков, они все касались этой струны, все. прежде чем идти на юг, и все возвращались, кроме одного.

— Кроме одного?

Старейшина не ответил, он просто смотрел на арфу и Сандро понял: здесь, в этом ауле, есть ещё одна тайна, ещё одна дверь затворена, но откроется она не сегодня. Сегодня еще не пришло её не время.

— Идите, — сказал старейшина. — Вам пора, на юге вас ждут, но помните, что вы всегда можете вернуться, здесь вас ждут, всегда.

Они пошли к воротам и тут их догнала старуха, та самая, с руками-корнями. Она запыхалась, бежала, несмотря на свои годы. В руке она держала что-то маленькое, тёмное.

— Ваше высочество! — крикнула она. — Подождите!

Сандро обернулся.

Старуха протянула ему маленькое, коричневое, твердое семечко.

— Посади, — сказала она. — Где-нибудь, пусть растёт.

— Что это? — спросил Сандро.

— Дикая яблоня, — старуха улыбнулась. — Та самая, из которой пироги, посади, не здесь, там, куда придёшь, пусть будет.

Сандро взял семечко, оно было тёплым, как и всё в этом ауле, как всё в этом мире. Он положил его во внутренний карман туда же, где лежал теплый, будто живой цветок, полученный от голема.

— Спасибо, — сказал он.

Старуха кивнула, потом повернулась и медленно, не оглядываясь, пошла обратно.

Они вышли из аула на закате. Радде молча догнал их у самых ворот. Он не сказал ни слова, но Сандро видел, что его глаза были красными. Он плакал, где-то там, в темноте, один и теперь он вернулся возродившимся, став, наверняка, лучше.

Яхта «Тамара» ждала их на площадке. Медные сферы тихо гудели. Сергей первым поднялся на борт. Потом взошел Радде. Сандро задержался. Он стоял и смотрел на аул: на медные крыши, которые мерцали в свете заката, на арфу, которая пела, на дым, который поднимался из труб, а потом он посмотрел на юг.

И увидел его, далеко, чёрное пятно на горизонте, за перевалом. Оно не двигалось, а просто висело, как клякса на чистом небе и выглядело как пульсирующий черный дым.

Сандро ловил тишину, пока в неё не пробился звук. Далёкий, на грани воображения. Это был гул — мерный, как удары сердца. Чужого, надорванного. То билось сердце завода.

— Ваше высочество? — позвал Сергей с борта. — Вы идёте?

Сандро не ответил. Он смотрел на дым. Долго. Очень долго. Потом достал блокнот. На чистой странице он написал: **«Аул. Ветряные арфы. Живая вода. Старейшина знает правду, на юге работает грязный завод. Люди умирают. Радде плакал. Я обещал не мстить. Я обещал показать правду. Я сдержу слово».**

И, немного подумав, добавил: **«Сергей съел шесть пирогов. Я — четыре. Радде — два. Завтра движемся на юг, к заводу, к тем, кто не знает, что творит».**

Он закрыл блокнот, посмотрел на дым, на арфу, на семечко в кармане и пошёл на борт.

Ночью он не спал. Он лежал в своей каюте и слушал, как «Тамара» плыла над облаками. Медные сферы тихо гудели, но сквозь этот гул он слышал другое, тот самый ритмичный и далекий звук, как будто сердце или двигатель.

Он встал, вышел на палубу. Ночь была ясной. Звёзды крупными, как яблоки. Он посмотрел на юг. Дым всё ещё был там. Чёрное пятно на горизонте. Оно не двигалось, но оно было.

Сандро постоял, потом вернулся в каюту. Лёг, закрыл глаза, но сон не шёл. Он думал о мальчишке с колесом, о старухе на пороге, о старике с лодкой, о пятерых мёртвых, о дыме.

Он думал, что это не рай, а осада и завтра он уйдёт на юг, к заводу, к тем, кто не осознаёт, что творит.

Он повернулся на бок, и наконец, уснул.

Глава 6. Охота без выстрелов

Сандро проснулся не от тишины, а от холода. Тишина была в ауле, полная, горная, будто кто-то набрал в грудь воздуха и замер, боясь выдохнуть. Здесь, на борту «Тамары», было жутко холодно. Медные сферы гудели ровно, глубоко, как сердце, но их тепло не доходило до каюты. Сандро лежал, укрывшись всем, чем мог: курткой, пледом, собственной усталостью, и смотрел в стеклянный потолок. Звёзды уже погасли. Небо было серым, как старая бумага начинался рассвет.

Он встал. Споткнулся о Сергея. Тот спал на полу у входа, поперёк двери, раскинув руки, как морская звезда. Рядом валялась пустая чашка и три обертки из под пирогов. Он съел их ночью, чему Сандро не удивился.

— Сергей.

Сергей захрапел громче.

— Сергей.

Сандро наклонился и подул ему в ухо. Сергей вскочил, схватил чашку, замахнулся.

— Не смей! Я тебя вижу! Я тебя...

— Это я.

— А. — Сергей опустил чашку. — Ты.

— Ты спал в дверях.

— Я охранял вход.

— От кого?

— Оттуда. — Сергей махнул рукой в сторону юга. — От дыма.

— И как?

— Не пришли, но я был готов. — Он посмотрел на чашку. — Почти, мне нужно было оружие посерьёзнее.

— Ты собирался отбиваться чашкой?

— А что? Металлическая и тяжёлая, если правильно бросить, то можно вырубить.

— Ты когда-нибудь бросал чашку в человека?

— Нет, но я бросал в кошку, один раз, правда промахнулся. Кошка потом неделю смотрела на меня как на предателя.

Сандро легко и по-настоящему засмеялся, так, что даже эхо в горах отозвалось, коротко и удивлённо.

Они вышли на палубу. Радде уже стоял у борта. Смотрел вниз. «Тамара» шла над облаками. Под ними белое море облаков, а над ними серое небо. Впереди виднелись высокие и белые, как соль, горы.

— Мы ушли из аула на рассвете, — проговорил Радде. — Арфы ещё спали. Старейшина махал рукой. Старуха дала нам пироги, в дорогу.

— Я их не съел, — обиделся Сергей. — Я взял.

— Ты их съел, пока мы поднимались.

— Это было в дороге, технически я их не съел, я их дегустировал.

— Шесть пирогов?

— Я дегустировал тщательно.

Сандро покачал головой. Потом посмотрел на горы, на белые скалы и на ветер, который гнал снежную пыль по склонам.

— Где мы? — спросил он.

— Перевал, — ответил Радде. — Высокогорье, здесь живут барсы.

— Барсы? — Сергей поёжился. — Снежные?

— Да.

— Те самые, которые... — он показал руками размер. Большой, очень большой.

— Те самые, — подтвердил Радде. — Метр двадцать в длину, весом до сорока килограммов. Прыгают на шесть метров. Могут убить одним ударом лапы.

— Замечательно, — сказал Сергей. — Я всегда мечтал.

— Но мы идём не убивать, — проговорил Сандро.

— А зачем?

— Затем, — Сандро поправил очки, — что у нас есть маячок. Мы прикрепим его барсу и учёные в Петербурге смогут следить за стаей, спасать и считать их, тем самым помогая снежным барсам.

Сергей молчал, а потом кивнул.

— Это красиво, — сказал он. — Не убивать, а помогать.

— Охота — это не убийство, — ответил Сандро. — Охота это умение видеть, находить и понимать, а убийство, это уже не охота, а просто убийство.

Яхта «Тамара» опустилась на маленькую, каменистую площадку, расположенную у подножия белой скалы. Ветер здесь был злым, сильным, будто хотел сбросить их вниз. Сандро вышел первым и глубоко вздохнул. Воздух был тонким, холодным, колким. Пахло снегом, камнем и чем-то ещё, чем-то далёким, что он не мог назвать.

— Здесь выходим, — сказал Радде. — Дальше пешком.

— А «Тамара»? — спросил Сергей.

— Останется, она не пройдёт по скалам, там слишком узко.

— Она обидится?

— Нет. — Радде улыбнулся. — Она умная, подождёт.

Они медленно пошли пешком вверх. Ветер бил в лицо. Сандро шёл, наклонив голову. Сергей за ним, Радде замыкал. Никто не говорил, так как это было физически сложно, да и не хотелось.

Скалы здесь были другими, не серыми, а белыми. Будто кто-то рассыпал по ним соль, или снег, но снега не было, а только камень, ветер и замершая тишина. Будто кто-то набрал в грудь воздуха и замер.

И тут Сандро остановился. Он увидел её. Ауру. Она была огромной, гораздо больше, чем у дерева. Больше, чем у ручья. Больше, чем у всего, что он видел раньше. Она была белой нет, не белой, а серебряной, как луна или иней, как что-то, что было чище всего остального мира и в этой ауре сидел зверь - Барс.

Он лежал на выступе скалы, метрах в тридцати от них. Голова на лапах. Глаза закрыты. Хвост длинный и пушистый свисал вниз, чуть покачиваясь на ветру. Он спал или делал вид, что спит. Сандро не мог понять, но одно он знал точно: барс видел их. Даже с закрытыми глазами и спящий, он знал, что они здесь.

— Осторожно, — прошептал Сергей. — Он нас видит.

— Видит, — согласился Сандро. — Но не боится, он знает, что мы не с ружьями.

— А если он ошибается?

— Не ошибается. — Сандро снял очки, без них мир стал тусклее, но барс не исчез. Он был там, реальный, тёплый и живой. — Он чувствует, что мы не враги.

— Почему? — Сергей тоже снял очки. — Как он это чувствует?

— Он не человек, — ответил Радде. — Он зверь, а звери чувствуют гораздо лучше. Они не думают, они знают и барс знает, что мы пришли не убивать.

Они стояли и долго смотрели. Барс не двигался, потом открыл один желтый глаз. Огромным глазом хищник посмотрел на Сандро. Секунду. Две. Три и снова закрыл.

— Он нас принял, — проговорил Радде.

— Что теперь? — шёпотом спросил Сергей.

— Теперь тихо, — ответил Сандро. — Я пойду один.

— Ты? — Сергей схватил его за руку. — Ты с ума сошёл?

— Нет, — Сандро посмотрел на него. — Я знаю, что делаю, он не тронет, он ждёт.

— Кого?

— Меня.

Сергей посмотрел на него, на барса, на Радде, на чашку, которая всё ещё была в его руке, а потом вздохнул.

— Если он тебя съест, — сказал он, — я его найду и поговорю с ним, по-мужски.

Сандро улыбнулся и пошёл.

Он шёл медленно, не по прямой, а по дуге, чувствуя куда дует ветер. Не смотрел барсу в глаза, знал, что нельзя. Смотрел на его серебряную и чистую ауру, которая была спокойна и не колыбалась. Сандро подошёл на пять метров, на четыре, на три... Барс лежал, дышал, смотрел одним глазом и не двигался.

Сандро остановился. Присел на корточки. Протянул руку, не к барсу, а к камню. Просто открытую руку, ладонью вверх.

И тут огромный барс встал, не «красивый», а огромный. Метр с чем-то, плюс хвост. Мышцы перекачивались под шкурой, как волны. Он шагнул, ещё шаг, ещё и остановился, в полуметре от Сандро. Так близко, что Сандро чувствовал его теплое дыхание. От дикой кошки пахло мясом и снегом. Барс посмотрел на его руку. Потом на медный браслет, закрепленный на запястье. Тот самый, с гравировкой. Родовой знак. Барс смотрел на него долго. Очень долго. Потом шагнул ещё раз и ткнулся мордой в браслет.

Тут случилось то, чего Сандро не ожидал. По его руке пробежали голубые и теплые искры. Такие же, как в дельте, когда он касался лотоса, как в крепости, когда он касался блока голема, как в ауле, когда он пил живую воду. Искры бежали от браслета к барсу и от барса к браслету, туда, обратно и снова туда и обратно, как колесо мальчика, только живое.

Сандро замер. Он не боялся, а чувствовал чужую радость, но от этого ещё более сладкую. Барс радовался. Он не радовался, что нашёл еду. Он радовался, что нашёл кого-то, того-то, кто не хочет его убить, кого-то, кто хочет помочь.

— Мы не хозяева, — прошептал Сандро. — Мы соседи.

Барс тихо фыркнул, будто согласился. Потом потёрся о его руку. Один раз и отошёл. На шаг, потом на два, сел и посмотрел, будто ждал.

Сандро понял. Он достал крошечный, медный маячок, с эфирной сердцевинкой и протянул руку. Барс посмотрел на маячок, на Сандро и наклонил голову, подставил шею. Сандро быстро и точно прикрепил маячок, как учили. Барс не двигался. Терпел присутствие человека, будто знал, что это не ошейник, а помощь.

Потом он встал. Посмотрел на Сандро ещё раз, жёлтым глазом и ушёл, не побежал, а спокойно пошёл, как сосед, который зашёл на минуту и уходит домой. Через десять метров он обернулся ещё раз и исчез. Как будто растворился в скалах. Серебряная аура ещё секунду дрожала в воздухе, а потом погасла.

Сандро сидел на камне, не двигался. Смотрел на свою руку, на браслет, на искры, которые уже погасли и чувствовал, что-то изменилось, не в мире, а нём. Что-то маленькое, как семечко, которое он нёс в кармане, как цветок голема, как живая вода. Он не мог сказать, что это, но он знал, что это важно.

— Ваше высочество! — Сергей спотыкаясь и падая, снова вставая и снова падая бежал к нему. — Вы целы? Он вас не тронул? Я видел, он к вам прикоснулся! Я чуть не умер!

— Цел, — умиротворенно проговорил Сандро. — Он не тронул. Он... — Сандро замолчал, подбирая слово. — Он просто познакомился.

— Познакомился?

— Да, мы теперь друзья.

Радде подошёл. Медленно. Он смотрел на Сандро, на его руку с браслетом, и слишком долго ззамолчал.

— Радде? — тихо позвал Сандро.

И тут Радде сделал то, чего Сандро не ожидал. Он подошёл, очень близко и взял его руку, своими сухими, лёгкими пальцами. Посмотрел на браслет, на кожу, на слабый и голубоватый след от искр, как след от снежинки на стекле.

— Я видел, — проговорил он сдавленным сдавленным голосом, будто он держал что-то в горле и не мог выпустить. — Я видел искры. Всю жизнь я читал о них. В книгах. В отчётах. В записях академии. Я знал, что они бывают, но я никогда... — он замолчал. Посмотрел на Сандро. В его глазах было что-то, чего Сандро не видел раньше, не благодарность, не удивление, а что-то большее. — Я никогда не верил, что увижу.

— Теперь увидели, — ответил Сандро.

— Да, — Радде медленно отпустил его руку, будто не хотел. — Теперь увидел.

Он помолчал, а потом заговорил снова, быстрее словно боялся, что если остановится, то не сможет продолжить.

— Я читал об этом, в книге гигантов, там написано: «Искры это память, они бегут от того, кто помнит, к тому, кто помнит и обратно, круг замыкается».

Он замолчал, сглотнул и продолжил.

— Я не понимал, что это значит, думал красивая, но пустая метафора, а теперь... теперь я видел, круг замкнулся. Вы и барс, память и зверь, всё взаимосвязано.

Он посмотрел взглядом прямым, как стрела, на Сандро:

— Я хочу вам кое-что сказать, пока мы здесь и я помню. — Он смотрел не на Сандро, а на горы, на барса, которого уже не было. — Я был трусом, всю жизнь. Я знал о заводе, о дельте, о жилах и молчал, потому что боялся, не смерти, а правды. Правда это как барс, она может убить одним ударом. — Он замолчал и сглотнул. — Но сегодня я увидел, как вы протянули руку и барс не убил. Он познакомился и я подумал: "если вы можете, то значит, и я могу". — Радде посмотрел на Сандро. — Я больше не буду молчать. Обещаю!

Сандро пристально посмотрел на него, а потом сказал:

— Хорошо.

Одно слово, но Радде кивнул, будто этого было достаточно.

Они спустились к вечеру. Сергей всю дорогу молчал и это было странно, потому Сандро то и дело на него оглядывался. Сергей не шутил, не падал, не пел, а просто шёл и думал. Когда они уже подходили к «Тамаре», он вдруг сказал:

— Я никогда не убивал.

— Что? — Сандро обернулся.

— Я никогда не убивал, — повторил Сергей. — Ни зверя, ни человека. Всю свою жизнь я чинил машины, пел песни, ел пироги, но я не убивал.

— И что?

— А то, что сегодня я понял. — Сергей остановился. Посмотрел на горы, небо и свои руки. — Я понял, почему. Я не убивал не потому, что боялся и не потому, что не мог, а потому, что не хотел. Я всегда знал, что убивать не надо, но не знал почему, а теперь знаю.

— Почему?

— Потому что соседи. — Сергей криво улыбнулся, как Радде, но по-настоящему. — Мы не хозяева животного мира, мы соседи, вот почему!

Сандро молчал, а потом обнял его, как брата и отпустил.

Горными тропами они вернулись к стоянке, где была припаркована яхта. Сергей остановился у трапа, не поднимался. Просто стоял и смотрел куда-то, в горы, в небо, в себя.

Потом негромко заплакал. Слёзы текли по лицу, а он не вытирал их и, кажется, не замечал

Сандро не стал спрашивать, почему. Он знал, иногда человек плачет не от горя, а от того, что понял что-то важное, что нельзя сказать словами. Только слезами и чувствами.

Чайндра стоял у входа в каюту. Молчал, но его линзы светились ровно, тепло. Он смотрел на Сандро, на его браслет, на след от искр и низко наклонил голову. Будто кланялся.

Сандро подошёл. Положил руку на медную крышку.

— Ты знал, — проговорил он.

Чайндра медленно дрогнул линзами один раз.

— Знал, что барс не тронет?

Чайндра дрогнул снова, будто согласился.

— Почему?

Чайндра не ответил, но его линзы вспыхнули ярче и в этом свете Сандро увидел что-то, не слова, а образ: той горы, барса и большого медного голема с цветком в руке. Барс стоял рядом и не боялся. Голем протянул руку. Барс ткнулся мордой.

Образ исчез. Сандро стоял и молчал, но он понял, что это было раньше. Голем и барс, они были соседями.

— Кто это был? — спросил он тихо.

Чайндра медленно дрогнул линзами один раз, но Сандро понял, что это был мастер Рави или его отец, или кто-то, кто был здесь до них.

Перед сном Сандро сидел в каюте один. Он достал семечко, то самое, что дала старуха, такое маленькое, коричневое и твёрдое, как всё в этом мире.

Он смотрел на него долго и думал, о том, что семечко тоже сосед. Оно растёт. Ждёт. Оно не хочет быть хозяином. Оно просто хочет быть рядом с землёй и водой.

Он записал в блокнот: *«Семечко. Тоже сосед. Растёт. Ждёт. Мы не хозяева. Мы соседи».*

Взглянул на написанное. Потом добавил: *«Я посажу его, где-нибудь, пусть растёт».*

Ночью Сандро сидел на палубе «Тамары», совершенно один, а вокруг звёзды — крупные, как яблоки. Ветер тихий, тёплый. Яхта «Тамара» стояла на площадке. Медные сферы гудели ровно, глубоким и ритмичным звуком, как бьётся сердце.

Сандро смотрел на юг. Дым был там. Чёрный. Густой. Ритмичный. Он не двигался. Но он был и Сандро знал, что завтра они поплывут на юг, к заводу, к тем, кто не знает, что творит.

Он достал блокнот. Записал: *«Барс. Искры. Сергей плакал. Радде видел. Мы не хозяева. Мы соседи».*

Взглянул на написанное. Потом добавил: *«Я сказал Сергею, что охота, это умение видеть. Я соврал. Охота то умение не убивать, когда можешь, что гораздо сложнее».*

Сандро закрыл блокнот. Посмотрел на ледяной цветок в кармане с трещиной. Он не согрелся, ни разу, но он всё ещё был там, он всё ещё помнил.

Чайндра молча подошёл и поставил рядом чашку чая. Сандро взял, сделал глоток. Чай был терпкий, с мёдом и дымом, как всегда.

— Спасибо, — проговорил Сандро.

Чайндра не ответил. Он просто стоял рядом. Смотрел на юг, где был дым и его линзы светились ровно, тепло.

— Завтра, — проговорил Сандро тихо. — Завтра на юг, к заводу, к тем, кто не знает, что творит.

Чайндра звякнул крышкой — один раз, медленно, соглашаясь.

Сандро допил чай. Поставил чашку. Посмотрел на звёзды, на дым, на цветок — и пошёл спать.

Он лёг. Закрыл глаза. И вдруг услышал.

Рычание.

Далеко. В горах. Низкое. Глубокое. Как сердце. Как память. Как правда.

Сандро открыл глаза. Прислушался. Рычание повторилось — ближе. Или дальше. Он не мог понять. Но он знал: это барс. Барс не ушёл. Он рядом. Он следит.

Сандро улыбнулся. Закрыв глаза. И — уснул. Впервые за долгое время — спокойно.

Глава 7. Эфирная буря

Чайндра заваривал чай.

Делал он это так, будто вершил священнодействие. Медленно. С паузами. Наклонив над палубой круглую медную голову, из которой поднимался пар. Голем был старым. Его бока потемнели от времени. На крышке-макушке осталась вмятина от чьей-то давней неосторожности. А на боку красовалась аккуратная гравировка: «Ост-Индская компания. Чайная плантация 7».

Сандро замечал эту надпись каждый раз. Каждый раз, когда Чайндра наливал ему чай. И каждый раз что-то в груди отзывалось тихой, непонятной тревогой. Как будто он уже видел эти буквы. Где-то. Когда-то. Но не помнил где.

Пахло морем. Нагретой медью. И чаем. Особым, цейлонским, с длинными скрученными листьями. Чайндра хранил их в жестяной коробочке, привязанной к поясу. Пар от чайника шёл вверх — к голубым вакуумным шарам «Тамары», — и там растворялся в утренней дымке. Медленно. Как дыхание.

Яхта шла ровно.

Её корпус — длинный, из полированной меди и тёмного стекла — чуть слышно гудел от работы эфирных конденсаторов. Гул был низким. Ровным. Глубоким. Как сердце. Медные жилы, пронизывающие борта, слабо светились под палубой. Как кровеносные сосуды. Как что-то живое.

На носу, у бушприта, сидела механическая чайка. Маленькая. Из меди и парусины. Она время от времени поворачивала голову — будто проверяла курс. На корме висел спасательный круг, увитый эфирными лотосами. Они росли прямо на борту, в специальных медных желобах. Их лепестки мягко светились розовым даже днём. Даже в тени. Даже когда всё остальное казалось серым.

Сандро сидел на складном стуле у правого борта. Положив блокнот на колено. Карандаш он держал не как пишущий, а как думающий — между указательным и средним пальцем, чуть покачивая. Перед ним лежал Кавказ.

Горы поднимались из воды не сразу.

Сначала появилась тонкая сизая полоска. Потом она стала плотнее, темнее. И вот уже над горизонтом встали хребты — тяжёлые, покрытые снегом, который на рассвете отливало не белым, а нежным персиковым и лиловым. Ниже, у самой воды, лежали зелёные предгорья. И там, в их глубине, прятались древние эфирные узлы. Радде говорил о них шёпотом. Как о живых существах. Сандро пока не понимал, что это значит. Но чувствовал: горы смотрят на него. Не враждебно. Просто смотрят.

— Ты записываешь, как выглядит небо? — спросил Сергей, подходя. — Или как оно пахнет?

Сергей был огромным. Плечи — как дверной проём. Усы — как две щётки для чистки котлов. Руки — в медной пыли, которая не смывалась даже морской водой. Он вытирал их о полотенце, привязанное к поясу. И полотенце это было когда-то белым.

— Пахнет вечностью, — ответил Сандро.

— Ага, — Сергей кивнул без всякой иронии. — Я так и думал. Ты странный, брат. Хороший, но странный.

Он взял чашку, которую Чайндра уже протягивал ему, и сделал большой глоток. Голем чуть наклонил голову. И в его глазах — маленьких медных линзах — мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Как третий конденсатор? — спросил Сандро, не отрывая глаз от гор.

— Гудит. — Сергей поморщился. — Как будто ему не нравится, что мы так близко к его родине. Может, он тут когда-то жил. Может, у него тут девушка. Я не спрашивал.

Чайндра тихо звякнул крышкой. Это могло означать всё что угодно. Согласие. Несогласие. Вежливое напоминание, что чай надо пить, пока горячий. Сандро сделал глоток. Чай был терпким. С мёдом. И с чем-то ещё. Может быть, с дымом. Может быть, с воспоминанием.

А потом небо изменилось.

Сначала это было почти незаметно. Просто свет стал плотнее. Как будто кто-то за облаками зажёл огромную лампу. Сандро поднял голову. Над дальним хребтом вспыхнула первая молния. Фиолетовая. Не белая и не жёлтая, как в обычную грозу, а глубокая. Чернильная. Как драгоценный камень на дне шкатулки.

Вторая ударила ближе. Третья — совсем рядом, за левым бортом.

«Тамара» вздрогнула. И эфирные лотосы на корме разом погасли.

— Сергей, — проговорил Сандро очень спокойно.

Сергей уже не улыбался.

— Вижу.

Из машинного отделения высунулась голова Радде. Седая борода. Спокойные глаза. В руках — старая книга в кожаном переплёте.

— Ага, — сказал он. — Эфирная буря. Красиво.

— Радде, — Сандро встал. — Это опасно?

— Смотря для кого. Для чая — нет. Для мачты — да. — Радде захлопнул книгу. — Я пойду к резонаторам. А вы, молодые люди, займитесь жилами. Если не хотите, чтобы «Тамара» стала факелом.

Сергей первым добежал до ящика с тросами. Он двигался быстро, но не суетливо. Как человек, который делал это сотни раз и знал, что паника отнимает больше времени, чем работа.

— Сандро! Левый борт. Я — правый. Карабин — на кольцо у основания. Второй конец — за пояс. Двойной узел. Не жалея верёвки.

Сандро поймал брошенный трос. Тот был тяжёлым. Конопля, оплетённая медной нитью. Он пристегнул карабин к кольцу на палубе. Дёрнул, проверяя. И начал карабкаться по трапу к первой жиле.

Ветер ударил в лицо. Солёный. Горячий. Волосы на руках встали дыбом. Воздух был наэлектризован настолько, что кончики пальцев покалывало даже через перчатки. Как будто сам воздух стал живым. Как будто он дышал.

Первая жила шла вдоль мачты. Толстая медная труба, по которой струился эфир. Сейчас она светилась неровно. То ярко. То тускло. Как будто внутри что-то билось. Что-то живое. Что-то, что хотело вырваться.

Сандро коснулся вентиля. Металл был горячим.

— Левая — на четверть! — крикнул Сергей с правого борта.

Сандро повернул. Гул внутри корабля изменился. Стал ниже. Глубже.

— Правая — на половину!

Он потянулся ко второму вентилю. И в этот момент почувствовал, как жила под пальцами раскалилась. Не «стала тёплой». Раскалилась. Боль пронзила ладонь. Сандро отдёргнул руку.

— Сергей! Она горит!

— Знаю! Держи! Если отпустишь — рванёт!

Сандро стиснул зубы. И взялся снова. Перчатка дымилась. Он повернул вентиль. Чувствуя, как кожа на пальцах начинает саднеть. Как медная нить троса натягивается. Как мачта дрожит под ногами. Где-то внизу Чайндра поставил чайник на палубу и прижался к борту. Чтобы не упасть.

— Обе — на треть! — крикнул Сергей.

— На треть! — отозвался Сандро. И его голос сорвался на хрип...

Молния ударила в воду в двадцати метрах от борта.

Вспышка была такой яркой, что на мгновение всё стало белым. Не просто светлым. Белым. Как бумага. Как снег. Как что-то, что не имеет цвета. Сандро почувствовал, как трос натянулся до предела. Как «Тамара» накренилась — и выровнялась. Медленно. Тяжело. Как живое существо, которое решило, что жить всё-таки интереснее.

Сергей перевёл дыхание и крикнул:

— Живы?

— Кажется.

— Отлично. Тогда — вторая жила. И, пожалуйста, не урони блокнот. Без него ты станешь скучным.

Сандро невольно улыбнулся. Ладонь болела. Но это была хорошая боль. Та, что остаётся после трудной работы. А не после раны. Он взглянул на Сергея. Тот уже карабкался ко второй жиле. И его белый мундир — теперь серо-медный — хлопал на ветру. Как флаг.

Небо стало фиолетовым.

Не просто тёмным. Фиолетовым. Глубоким. Как чернила. Как драгоценный камень. Как что-то, что не имеет названия. Молнии били одна за другой. Уже не отдельными вспышками. А сплошной стеной света. Фиолетового. Белого. Голубого. Как будто само небо решило показать, на что оно способно.

«Тамара» дрожала. Медные жилы гудели. Эфирные конденсаторы — стонали. Как будто им было больно. Как будто они хотели вырваться. Как будто они — живые. Как будто они — помнили.

Ветер стал ураганным. Он рвал парусину. Гнул мачты. Срывал листья с эфирных лотосов. Лотосы — розовые, светящиеся — летели по палубе. Как снег. Как память. Как что-то, что нельзя удержать.

Волны поднялись. Высокие. Тёмные. С белыми гребнями. Они били в борт. Одна за другой. Одна за другой. Как будто хотели раздавить. Как будто хотели утопить. Как будто хотели — забрать.

Сандро держался за трос. Из всех сил. Ладонь горела. Ноги скользили. Ветер бил в лицо. Молнии — слепили. Он не видел ничего. Только фиолетовый свет. Только белые вспышки. Только — тьму.

И тогда заговорил Радде.

Он стоял у центрального резонатора.

Большого медного шара, укрепленного на кормовой надстройке. В обычные дни его использовали, чтобы отдавать команды на другие корабли. Или перекликаться с берегом. Но сейчас Радде использовал его иначе. Он открыл книгу. Положил ладонь на медную поверхность шара. И начал читать.

Слова были древними. Не русские. Не греческие. Не санскрит. Что-то более старое. Что-то, что помнили только камни. И медные големы. Они лились медленно. Ритмично. С паузами, которые совпадали с ударами молний. Голос Радде входил в резонатор — и выходил из него преображенным. Глубже. Шире. Объёмнее. Как будто говорил не человек. Как будто говорила — земля.

Медные шары на мачтах начинали вибрировать. Сначала тихо. Потом — сильнее. Потом — так, что казалось, они сейчас лопнут. Но они не лопались. Они — пели. Тихо. Ровно. Глубоко. Как пчёлы. Как сердце. Как память.

Эфирные лотосы на корме снова зажглись. Сначала робко. Потом — всё увереннее. Розовый свет разливался по палубе. По бортам. По лицам. По всему.

Сандро замер.

Он держался за трос. Смотрел на Радде. И чувствовал, как что-то внутри него самого начинает резонировать. Не с бурей. С покоем. С той глубокой, древней тишиной, которая есть в каждом человеке. Но которую обычно заглушают дела. И заботы. И страх.

«Тамара» перестала дрожать.

Молнии всё ещё били. Но теперь они не казались злыми. Фиолетовый свет начал меняться. Становиться мягче. Теплее. Появились зелёные и золотые оттенки. Буря превращалась в северное сияние. Не в грозу. В танец. В разговор. В песню.

Небо стало зелёным. Потом золотым. Потом — розовым. Потом — снова зелёным. Волны света шли по небу. Медленно. Плавно. Как будто кто-то огромный — и добрый — гладил небо. И небо — отвечало. Светом. Теплом. Покоем.

Чайндра поднял голову. И тихо звякнул крышкой. Это был его способ аплодировать.

Радде закончил читать. Он закрыл книгу. Погладил резонатор. Как гладят старого друга. И посмотрел на небо.

— Вот и всё, — проговорил он. — Чай ещё тёплый?

— Тёплый, — ответил Чайндра. Не словами. Звякнул крышкой. Но все поняли.

Радде кивнул. И пошёл к чайнику.

Сандро смотрел на него. И думал: вот человек, который не объясняет. Он просто делает. И от этого — яснее, чем от любых слов.

В свете северного сияния — которое теперь заливало всё небо зелёными и золотыми волнами, — Сергей первым увидел лодку.

— Эй! Смотрите! Там!

Маленькая рыбацкая лодка качалась на волнах метрах в ста от «Тамары». Её парус — серый, латаный-перелатанный — был порван и болтался на ветру. Как сломанное крыло. В лодке сидели двое. Старик. И мальчик. Они не кричали. Не махали руками. Старик просто держал мальчика за плечо. А мальчик смотрел на «Тамару» широко раскрытыми глазами. Как будто видел чудо. Как будто видел — дом.

Сергей уже бежал к корме.

— Эфирный трос! Сандро, помоги!

Сандро спустился с мачты. Ноги дрожали. Ладонь саднило. Он подошёл к лебёдке. Сергей вытащил катушку. Закрепил конец. Повернул рычаг. Трос засветился. Стал прозрачным. Почти невидимым. И мягко потянулся к лодке. Обвил нос. Борта. И начал осторожно тянуть к берегу. Не к «Тамаре». К маленькой бухте между скалами. Которую Сандро заметил ещё утром.

Старик не сопротивлялся. Он только держал мальчика за плечо. И смотрел на «Тамару». Когда лодка коснулась берега, он встал. Худой. С кожей, обожжённой солнцем и ветром. С руками, которые знали тяжёлую работу. Он посмотрел на корабль. На голубые шары. На медные бока. На эфирные лотосы, которые светились розовым. И медленно, с достоинством, поклонился.

Не яхте. Не Сандро. Чему-то, что он увидел в небе.

Мальчик поклонился тоже. Неуклюже. Но искренне.

Сергей улыбнулся и крикнул:

— Эй! Рыбу-то поймали?

Старик поднял голову. И впервые за всё время улыбнулся. Широко. Открыто. Как улыбаются люди, которые только что поняли, что будут жить.

— Поймали! — крикнул он. — Да только она от нас уплыла!

Сандро засмеялся. Тихо. Ладонь болела. Но это была хорошая боль. Он посмотрел на небо. Где северное сияние всё ещё переливалось зелёными и золотыми волнами. И подумал, что Радде был прав. Буря — это не наказание. Просто разговор. И сегодня они услышали друг друга.

Он достал блокнот. Записал: «*Кавказ. Буря. Рыбаки. Чайндра не пролил чай*». И, подумав, добавил: «*Сергей смешной*».

Потом закрыл блокнот. И пошёл пить чай.

Глава 8. Прибытие на Цейлон

Цейлон появился на рассвете и это было похоже на то, как если бы кто-то взял огромную палитру ярких красок и вылил её прямо в океан.

Сначала над горизонтом поднялась тонкая зелёная полоса. Потом она стала плотнее, темнее, и Сандро понял, что это не лес, а стена. Настоящая стена из деревьев — высоких, тяжёлых, с кронами, которые сплетались так плотно, что под ними не было видно земли. Над этой стеной поднимались горы — не такие суровые, как Кавказ, а мягкие, округлые, покрытые сизой дымкой, а ещё выше — небо. Оно было не голубым, а каким-то розово-золотым, будто остров дышал и это дыхание окрашивало воздух.

Вода в океане менялась на глазах. Утром, в открытом море, она была тёмно-синей, почти чернильной, с длинными маслянистыми волнами. Ближе к берегу она стала бирюзовой — прозрачной настолько, что под килем «Тамары» Сандро разглядел тёмные пятна кораллов и стремительные серебристые искры — стайки рыб, а у самого входа в гавань вода стала изумрудной, густой, как расплавленный драгоценный камень, и в ней отражались пальмы — не отдельные, а целые рощи, склонившиеся над берегом.

Яхта «Тамара» шла медленно, и с каждым метром запахи становились сильнее. Сандро стоял на носу, держался за леер и вдыхал. Пахло — влажной землёй, нагретой листвой, корицей, гвоздикой, чем-то сладким и душным, как варенье из экзотических фруктов. Пахло — дымом от костров, жареной рыбой, сандаловым деревом и под всем этим — тонкий, тревожный запах чего-то машинного. Масла. Металла. Гари.

Чайндра стоял рядом. Его медные бока покрылись испариной — влажность была такой, что голем буквально потелел. Он поворачивал голову то влево, то вправо, и в его линзах-глазах отражались пальмы.

— Красиво, — сказал Сергей, выходя на палубу. Он уже успел надеть чистый мундир — белый, с медными пуговицами — и даже причесаться. Усы его блестели от кокосового масла. — Я бы тут жил. Правда, я бы тут сгнил от влажности, но первые три дня были бы замечательные.

— Ты бы тут работал, — поправил его Сандро. — Эфирные конденсаторы в таком климате — это отдельный ад.

— Спасибо, что напомнил. Я как раз об этом мечтал.

Гавань Коломбо открылась внезапно — за поворотом, когда зелёная стена расступилась. Это был не порт, а целый город, вросший в воду. Медные причалы тянулись на километры, и на них кипела жизнь. Грузчики в ярких набедренных повязках — жёлтых, красных, оранжевых — таскали тюки и ящики. Торговцы кричали на трёх языках одновременно, и их голоса смешивались в густой, взволнованный хор. Дети — худые, быстрые, с кожей цвета тёмного мёда — ныряли за монетами, которые кто-то бросал с борта большого торгового судна. Женщины в сари — бирюзовых, лиловых, шафрановых — несли на головах корзины с фруктами: манго, папайя, рамбутаны, покрытые мягкими зелёными волосками.

Над причалами висели эфирные фонари — медные, изящные, похожие на перевёрнутые цветки лотоса. Даже днём они горели мягким голубым светом, и их отблески играли на влажных крышах домов. Эфирные трамваи, тонкие и изящные, скользили по рельсам без грохота, оставляя за собой лишь лёгкое свечение — голубоватый след, который таял через секунду. Над гаванью кружили дирижабли — небольшие, пассажирские, с медными гондолами и голубыми вакуумными шарами. Всё было чистым. Правильным. Имперским.

Город поднимался от воды террасами. У самой гавани стояли склады — длинные, приземистые, с черепичными крышами цвета обожжённой глины. Выше — белые колониальные особняки с колоннами и широкими верандами, утопающие в зелени. Ещё выше — храмы. Их Сандро увидел сразу: три высоких башни, покрытые резьбой, с золотыми шпилями, которые

горели на солнце так ярко, что больно было смотреть. Вокруг храмов вились стаи майн — чёрных птиц с жёлтыми клювами, и их крики — резкие, весёлые — перекрывали шум гавани.

Пахло — рыбой, специями, потом, благовониями. Всё это смешивалось в густой, тяжёлый коктейль, от которого кружилась голова. Сандро чувствовал, как рубашка липнет к спине, как пот стекает по вискам, как солнце — ещё утреннее, но уже злое — жжёт кожу на открытых руках. Он снял фуражку и вытер лоб платком. Платок мгновенно стал влажным.

А потом он увидел трубы.

Их было три. Три корабля стояли у дальнего причала. С виду — обычные имперские торговые пароходы: стальные борта, чистые, аккуратные, с вакуумными шарами и эфирными мачтами. Такие же, как десятки других в гавани, но над ними вился дым. Не пар. Не эфирное свечение. Дым — густой, чёрный, жирный. Он поднимался из труб — коротких, приземистых, не похожих на эфирные, — и висел над гаванью, как грязное пятно на чистой скатерти.

Ветер нёс его в сторону города. Там, где дым проходил над рынком, люди начинали кашлять. Женщины прикрывали лица краями сари. Дети, те самые, что ныряли за монетами, — вылезали на берег и тёрли глаза.

Сандро замер. Он знал, что это. Он читал об этом в закрытых докладах, которые приходили в его канцелярию с пометкой «не для распространения». В Империи эфирные технологии были не просто удобством — они были основой. Эфир давал свет, тепло, движение. Он был чистым, тихим, безопасным. Но к концу века он начал слабеть. Жилы, которые раньше гудели от силы, теперь лишь тихо шептали. Конденсаторы, которые раньше заряжались за час, теперь заряжались за три. Эфира становилось меньше — или, может быть, его становилось сложнее собирать. Учёные спорили, Император ждал, а капитаны — те, кто возил грузы, кто зарабатывал на скорости, кто не хотел ждать, — начали искать выход.

Выход был варварским. В топках, что созданы были для расщепления воды на кислород и водород под действием электричества от атмосферы и благиной, они жгли то чёрное и грязное, что могло гореть: уголь и нефть, что было: Грязно. Дымно. Дёшево.

А надо было — расщеплять воду. На кислород и водород. Жечь водород. Получать пар. Чисто. Быстро. Честно.

Это было запрещено в Империи — запрещено законом, запрещено совестью, запрещено здравым смыслом. Но в мятежных провинциях, где закон Империи был лишь словами на бумаге, это становилось нормой.

— Сергей, — сказал Сандро тихо.

Сергей уже смотрел. Его лицо — добродушное, усмешливое — стало жёстким. Он сжал кулаки. Как механик, он чувствовал разницу: эфирный двигатель гудит ровно, глубоко, как сердце. А это... это кашляло. Хрипело. Задыхалось.

— Вижу, — ответил он. — Три. У дальнего причала. Под флагом губернатора.

— Это запрещено.

— Это запрещено в Империи, а мы, брат, кажется, уже не совсем в Империи.

Сандро достал блокнот. Записал: *«Коломбо. 12 октября. Три судна. Дым. Гарь. Запах серы. Нарушение»*. Посмотрел на написанное. Потом добавил: *«Почему губернатор не доложил?»*

Чайндра тихо звякнул крышкой, на этот раз тревожно.

— Что скажешь, Радде? — спросил Сандро, не оборачиваясь.

Радде стоял у борта, держал в руках свою старую книгу и смотрел на дым. Его лицо было спокойным, но в глазах — глубоких, тёмных — что-то двигалось. Он молчал долго. Потом сказал:

— Скажу, что мы приехали вовремя. Скажу, что чай здесь, кажется, будет с горчинкой. И ещё скажу: остров это запомнит. Он всегда помнит.

Английский губернатор ждал их на причале.

Его звали Чарльз Реджинальд Бэртон, и он был именно таким, каким Сандро представлял себе английского губернатора в мятежной провинции: высокий, сухой, с длинным лицом и коротко подстриженными седыми усами. Его мундир — тёмно-синий с золотыми пуговицами — сидел безупречно, но был немного тесноват в плечах, как будто губернатор носил его уже много лет и не хотел менять. На левом боку висела церемониальная шпага, с богатой рукоятью. На правой руке — перстень с гербом. Он улыбался.

Улыбка была натянутой, как парус в полный штиль.

— Ваше Высочество! — воскликнул он, раскидывая руки. Голос его был громким, слишком громким для такого утра. — Какая честь! Какая невероятная честь! Мы не ждали вас так скоро!

Сандро сошёл по трапу. Он был в своём обычном синем мундире, без орденов, с блокнотом в кармане. На поясе — только маленький медный флакон, в котором он хранил образцы воды. Он посмотрел на губернатора и отметил три вещи: улыбку, руки и запах.

Улыбка была правильной. Слишком правильной. Такие улыбки бывают у людей, которые репетировали её перед зеркалом.

Руки дрожали. Едва заметно, на уровне пальцев. Бэртон держал их за спиной, но Сандро видел, как подрагивает ткань рукава.

А запах... От губернатора пахло не только одеколоном и пудрой. Под этим — тонкий, едва уловимый запах гари. Той самой, что шла от труб.

— Господин губернатор, — сказал Сандро, пожимая протянутую руку. Рука была холодной и влажной. — Благодарю за встречу. У вас прекрасная гавань.

— О, да! Да! Мы гордимся! — Бэртон закивал, и его улыбка стала ещё шире. — Коломбо — жемчужина Империи! Конечно, есть некоторые... трудности. Климат. Туземцы. Но мы справляемся. Мы всегда справляемся.

— Я вижу, — Сандро посмотрел на дым вдалеке. — У вас тут... интересные корабли.

Бэртон на мгновение замер. Улыбка дрогнула. Он обернулся, посмотрел на три судна и снова повернулся к Сандро. Теперь его улыбка была не просто натянутой — она была приклеенной.

— Ах, это! Это... торговые суда. Да. Датские. Они зашли на ремонт. У них проблемы с... с эфирными конденсаторами. Да. Мы помогаем. По-дружески.

— Датские, — повторил Сандро.

— Именно.

— С английскими трубами?

Бэртон открыл рот. Закрыл. Посмотрел на Сергея, который стоял позади Сандро и складывал руки на груди — медленно, внушительно, как человек, который может сломать мачту пополам, если попросят. Потом посмотрел на Радде, который смотрел на него спокойно, как смотрят на пациента. Потом — на Чайндру, который стоял на трапе и держал в руках чайник. Голем был похож на маленького судью.

— Ваше Высочество, — сказал Бэртон, и его голос стал тише. — Я уверяю вас, всё под контролем. Мы... мы разберёмся. Позвольте мне пригласить вас на обед. Мы обсудим. Всё. Всё, что вы хотите.

— Хорошо, — Сандро кивнул. — Обсудим.

Он посмотрел на руки губернатора. Они дрожали сильнее.

— Господин губернатор, — сказал Сандро мягко. — Вы не голодны? У вас руки трясутся. Бэртон посмотрел на свои руки. Потом на Сандро. Потом снова на руки.

— Это... малярия, — сказал он. — Местная. Очень распространена. У нас тут... у всех.

— Сочувствую, — ответил Сандро.

Он не верил. И Бэртон знал, что он не верит. И Сандро знал, что Бэртон знает. И оба молчали об этом, потому что так было вежливее.

Радде, который до этого молчал, вдруг сказал:

— Господин губернатор, а эти датские суда... они тоже на малярию жалуются? Или у них что-то посерьёзнее?

Бэртон побледнел. На мгновение — всего на мгновение — его лицо потеряло всякое выражение. Потом улыбка вернулась, но теперь она была как маска, которую держат из последних сил.

— Я... я не понимаю, о чём вы, — сказал он. — Какие суда? Ах, да. Датские. Нет. Они... они здоровы. Совершенно здоровы. Простите, я должен... я должен распорядиться насчёт обеда. Извините.

Он поклонился — коротко, резко — и быстро пошёл по причалу, окружённый свитой. Сандро смотрел ему вслед. Потом посмотрел на Радде.

— Ты его напугал.

— Я просто спросил, — ответил Радде. — Люди часто пугаются простых вопросов. Особенно когда им есть что скрывать.

Чайндра тихо звякнул крышкой. Сергей фыркнул.

К яхте подплыла лодка.

Она появилась со стороны города — маленькая, выдолбленная из цельного ствола дерева, с балансиром из бамбука. В ней сидел мальчик. Лет двенадцати. Худой, загорелый до цвета тёмного шоколада, с огромными чёрными глазами и волосами, которые вились, как усики винограда. Он был одет в простую белую рубашу, слишком большую для него, и короткие штаны, закатанные до колен. На шее висела верёвочка с маленьким медным амулетом.

Мальчик подплыл к «Тамаре» с кормы, где не было губернатора и его свиты. Он поднялся на борт — ловко, как обезьяна, — и оказался прямо перед Сандро. Никто его не остановил: Сергей только поднял бровь, а Чайндра наклонил голову, изучая.

— Ваше Высочество, — сказал мальчик шёпотом. Голос у него был хрипловатый, как у человека, который привык говорить тихо. — Меня зовут Аджай. Не верьте им.

Сандро присел на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне.

— Кому «им»?

— Губернатору. Его людям. Всем. — Мальчик оглянулся через плечо, проверяя, не слышит ли кто. — В джунглях они прячут что-то большое. Я не знаю что, но оно дымит. Как эти корабли. Мой отец — инженер. Он работал на эфирных конденсаторах. Он увидел это... и они его посадили. В тюрьму. Он не сделал ничего плохого! Он просто увидел!

Сандро молчал. Он смотрел на мальчика — на его руки, которые дрожали, на его глаза, которые блестели от слёз, которые он не хотел показывать, — и думал.

— Аджай, — сказал он тихо. — Как давно посадили твоего отца?

— Два месяца назад. — Мальчик шмыгнул носом. — Мама плачет. Я приношу ей рыбу. Но её мало. А он... он там. И я не знаю, что с ним.

Сандро достал блокнот. Записал: *«Аджай. 12 лет. Отец — инженер. Арестован два месяца назад. Причина — увидел что-то в джунглях»*. Посмотрел на мальчика.

— Ты можешь показать, где это?

Аджай кивнул. Быстро, отчаянно.

— Могу. Я знаю все тропы. Я знаю джунгли лучше, чем они. Они ходят только по дорогам, а я... я везде.

Сергей подошёл ближе.

— Сандро, — сказал он тихо. — Это может быть ловушка.

— Может, — согласился Сандро. — А может, это мальчик, у которого посадили отца. И который пришёл к нам, потому что больше не к кому.

Он посмотрел на Аджая.

— Ты голоден?

Мальчик замер. Потом медленно кивнул.

— Чайндра, — сказал Сандро. — Чаю. И что-нибудь поесть.

Голем звякнул крышкой — на этот раз одобрительно — и засеменил в сторону камбуза. Аджай смотрел ему вслед с открытым ртом.

— Он... живой?

— Он — Чайндра, — ответил Сандро. — Он варит чай. И иногда спасает людей. Думаю, ты ему понравился.

Аджай посмотрел на Сандро. Потом на Сергея. Потом на Радде, который стоял у борта и смотрел на дым в гавани. Потом снова на Сандро.

— Вы... вы правда можете? — спросил он шёпотом. — Вы не как они?

Сандро не ответил сразу. Он посмотрел на гавань — на медные причалы, на эфирные огни, на чёрный дым, который висел над водой, как чужой. Потом — на Аджая. На его глаза, в которых было столько надежды и столько страха, что это было почти невыносимо.

— Я не знаю, — сказал он честно. — Но я обещаю: я разберусь. И если ты прав — они ответят.

Аджай кивнул. Медленно. Серьёзно.

Чайндра вернулся с чашкой чая. Мальчик взял её обеими руками — как берут что-то драгоценное — и сделал глоток. Его глаза расширились.

— Это... вкусно.

— Это Цейлон, — сказал Сандро. — Здесь всё должно быть вкусно. Даже правда.

Он посмотрел на джунгли — на зелёную стену, которая поднималась за городом, на горы в дымке, на небо, которое всё ещё было розово-золотым. Где-то там, в глубине, пряталось что-то большое. Что-то, что дымит. Что-то, из-за чего посадили инженера и плачет мать.

Сандро записал в блокнот последнюю строчку: *«Цейлон. Первый день. Правда пахнет чаем и дымом»*.

Потом закрыл блокнот и пошёл готовиться к обеду с губернатором.

Вечером, когда солнце село и гавань зажглась эфирными огнями — голубыми, мягкими, дрожащими на воде, — Сандро сидел на корме «Тамары» с чашкой чая в руках. Рядом стоял Радде. Они молчали долго. Потом Радде сказал:

— Ты заметил, как он побледнел, когда я спросил про суда?

— Заметил.

— Он не просто врёт. Он боится. А люди, которые боятся, делают глупости. Или — наоборот. Иногда страх делает людей лучше. Иногда — хуже. Посмотрим, что выберет Бэртон.

Сандро отпил чай. Он был терпкий, с мёдом и дымом. Как этот остров.

— Радде, — сказал он. — Ты сказал: «остров запомнит». Что ты имел в виду?

Радде молчал. Он смотрел на огни гавани, на дым, который всё ещё висел в темноте — чёрный на фоне звёзд, — и его лицо было спокойным, как у человека, который знает что-то важное, но не торопится сказать.

— Острова помнят, — сказал он наконец. — Они помнят всё. Тех, кто пришёл с добром. И тех, кто пришёл с огнём. Цейлон — старый остров. Он видел многое. И он ждёт. Он всегда ждёт, когда придут те, кто сможет услышать его.

— Услышать?

— Да. — Радде повернулся к Сандро. В его глазах отражались огни. — Правда — она ведь не только в бумагах. Она в земле. В воде. В деревьях. В големах, которых мы делаем. И в людях. Остров это знает. И он ищет того, кто сможет это вспомнить. Может быть, поэтому ты здесь.

Сандро ничего не ответил. Он смотрел на дым, который висел над гаванью, и думал о мальчике, который пришёл к нему с чашкой чая и надеждой. Где-то там, в джунглях, пряталось что-то большое. Что-то, что дымит. Что-то, что пахнет гарью и ложью.

Он допил чай и поставил чашку на палубу.
— Завтра, — сказал он. — Завтра мы пойдём в джунгли.
Чайндра тихо звякнул крышкой. Соглашаясь.

Глава 9. Первая ночь в Коломбо

Коломбо никогда не засыпал. Он просто становился тише.

Сандро лежал на узкой медной койке, смотрел в стеклянный потолок каюты и считал звёзды. Звёзды над Цейлоном были другими — не такими, как над Астраханью, не такими, как над Кавказом. Здесь они висели ниже, крупнее, и казались влажными, как будто их только что вынули из воды. Простыня под спиной стала тёплой и тяжёлой. Подушка пахла чужой травой — сушёной, с горчинкой. Цикады за окном трещали так, что закладывало уши, и в этом треске было что-то древнее, как будто сам остров вибрировал.

Сандро не мог уснуть. И дело было не в духоте, не в цикадах, не в мыслях. Дело было в гуле.

Он начался около полуночи. Сначала Сандро решил, что это конденсаторы «Тамары» — они иногда гудели по ночам, когда остывали после долгого хода. Но гул шёл не с корабля. Он шёл из порта. Низкий, тяжёлый, неровный. Как будто где-то далеко, за складами, за причалами, за белыми особняками, работало что-то большое и больное.

Сандро сел на койке. Прислушался. Эфирный двигатель гудит ровно, глубоко, как сердце здорового человека. А это — кашляло. Хрипело. Задыхалось. В этом звуке была грязь, и к нему прилагался запах.

Сандро втянул воздух. Ночь пахла жасмином, который цвёл где-то на берегу, сладким манго из ящиков на причале, рыбой, что не продали днём и теперь она лежала на тающем льду, дымом благовоний из храма, где кто-то молился даже в темноте. А под всем этим — тонкая, упрямая струйка гари. Уголь. Нефть. Сера. Тяжёлая, жирная вонь, которая не рассеивалась, а ползла по гавани, как чёрная змея.

Сандро встал. Надел рубаху — она была влажной, как будто её вынули из ведра, — и вышел на палубу.

Чайндра стоял на корме. Големы не спали. Он просто стоял, повернув голову к порту, и его линзы-глаза тускло светились в темноте.

— Ты слышишь? — спросил Сандро.

Чайндра наклонил голову. Медленно. Это означало «да».

— Это не эфир, — сказал Сандро.

Чайндра дрогнул линзами. Коротко. Это означало «нет».

Сандро подошёл к борту. В темноте огни гавани казались россыпью голубых бусин — эфирные фонари, ровные, спокойные. Но у дальнего причала, там, где стояли три судна, горели другие огни. Красные. Неровные. Живые. Это были топки. Настоящий огонь. Настоящее варварство.

Гул шёл оттуда. Он поднимался над водой, смешивался с цикадами и запахом жасмина, и делал ночь неправильной.

Сандро достал блокнот. Записал: *«Ночь. Гул из порта. Не эфир. Уголь/нефть. Пахнет серой. Цикады. Жасмин. Слишком много всего»*. Посмотрел на написанное. Потом добавил: *«Не спится»*.

Он стоял так долго. Может, час. Может, больше. Он смотрел на воду — чёрную, с длинными отблесками огней, — и слушал, как остров дышит. И в этом дыхании был диссонанс. Как будто кто-то фальшивил. Как будто кто-то воровал что-то у этого места.

А потом он услышал шаги.

Она поднялась по трапу без приглашения. Просто появилась — из темноты, из ночи, из запаха жасмина и манго. Сначала Сандро увидел руки: тонкие пальцы, унизанные медными кольцами — не украшениями, а рабочими, для пайки, — и на одном из них, у самого сустава, тёмная мозоль от отвёртки. Потом — лицо. Большие глаза, чёрные, с длинными ресницами,

которые отбрасывали тени на смуглые щёки. Брови — тонкие, чуть изогнутые. Губы — полные, тёмные, как спелая вишня. Волосы — чёрные, блестящие, убранные назад, с одной длинной прядью, которая выбилась и падала на ключицу. А у самой ключицы — маленькая родинка, тёмная, как точка, поставленная чьей-то аккуратной рукой. Шея у неё была длинной, плавной, и когда она поворачивала голову, по этой шее двигалась тонкая жилка — как будто внутри неё жила ещё одна, отдельная, жизнь.

На ней было сари — бирюзовое, с золотой каймой, — которое обвивало её фигуру так, что Сандро на мгновение забыл, зачем он вообще вышел на палубу. Сари сидело не как праздничная одежда. Оно сидело как рабочий костюм. Драпировка была подобрана, подколота, закреплена медными булавками. На поясе висел кожаный ремень с инструментами — отвёртки, ключи, маленький эфирный тестер. На запястье — медный браслет с гравировкой, которую Сандро не разглядел в темноте. Бёдра — округлые, сильные. Ноги — длинные, стройные, обутые в сандалии, которые видели много пыли. Она стояла на палубе «Тамары» так, как будто это была её палуба. И смотрела на Сандро так, как будто это он был гостем.

— Вы — князь Сандро, — сказала она. Не спросила. Утвердила.

— Я — Сандро, — ответил он. — Князь — это должность. Ночью можно без неё.

Она улыбнулась. Улыбка была не насмешливой, а какой-то тёплой, как будто он сказал что-то правильное.

— Хорошо. Сандро. Меня зовут Лакшми. Я механик. — Она сделала шаг вперёд, и он почувствовал запах — не жасмин, не манго. Медь. Рабочее масло. И что-то ещё, тонкое, как сандал. — Мой учитель — старый цейлонский мастер. Он учил меня эфирному делу. И он сказал мне прийти к вам.

— Почему?

— Потому что вы — инспектор, а у нас проблемы. — Лакшми повернулась и посмотрела на город. — Видите огни?

Сандро посмотрел. Голубые бусины эфирных фонарей тянулись вдоль улиц, поднимались на холмы, терялись в темноте. Но что-то было не так. Что-то в них было не то.

— Они пульсируют, — сказал он.

— Да, — Лакшми кивнула. — Смотрите. Вон там, у храма. И там, на рынке. И там, у складов. Они дрожат. Как будто кто-то дышит на них. Или тянет из них свет.

Сандро присмотрелся. Она была права. Огни не горели ровно. Они то вспыхивали, то гасли, то снова разгорались — слабо, ритмично, как будто из них вытягивали энергию. И в этой пульсации была закономерность. Как будто кто-то — или что-то — тянул эфир из городской сети.

— Когда это началось? — спросил Сандро.

— Два месяца назад, — ответила Лакшми. — Примерно тогда же, когда посадили отца Аджая.

Сандро повернулся к ней.

— Ты знаешь Аджая?

— Все знают Аджая, — Лакшми улыбнулась. — Он приносит рыбу на рынок. И он единственный мальчик в Коломбо, который умеет плавать быстрее, чем думает. — Она помолчала. — Он хороший. Его отец — тоже. Инженер. Он работал на эфирных конденсаторах северного района. А потом... — она пожала плечами, — а потом увидел что-то. И его посадили. За «подстрекательство». Так сказал губернатор.

— А что он увидел?

— Не знаю. — Лакшми снова посмотрела на пульсирующие огни. — Но я знаю, что после его ареста фонари начали гаснуть. Сначала в одном районе. Потом в другом. Сейчас — везде. Мой учитель говорит, что это не поломки. Он говорит, что кто-то ворует эфир.

Сандро потёр переносицу. Потом достал блокнот. Записал: *«Лакшми. Механик. Учитель — старый мастер. Огни пульсируют. Воруют эфир. Началось два месяца назад. Совпадает с арестом отца Аджая»*. Сжал карандаш.

— Почему ты пришла именно ко мне? Почему не к губернатору?

Лакшми посмотрела на него. Долго. Её глаза были чёрными, глубокими, и в них отражались пульсирующие огни.

— Потому что губернатор — англичанин, — сказала она. — А вы — российский, имперский чиновник. И потому что мой учитель сказал: «Иди к тому, кто приехал искать правду. Он не побоится».

— Твой учитель меня знает?

— Он знает всех, кто приезжает. — Лакшми улыбнулась. — Он старый. Он помнит времена, когда эфирные узлы в горах ещё пели. Он говорит, что раньше было иначе. Что эфир был сильнее. Что никто не жег уголь. Что никто не крал свет.

Она сделала ещё один шаг. Теперь она стояла совсем близко. Сандро чувствовал тепло её тела, запах меди и сандала. Он смотрел на её лицо — на губы, на глаза, на тонкую прядку волос, которая падала на ключицу, — и понимал, что она делает это нарочно. Не играет. Просто испытывает. Проверяет. Хочет увидеть, какой он.

— Лакшми, — сказал он тихо.

— Да?

— Ты очень красивая. И я это заметил. Но сейчас ночь, я не спал, и мне нужно понять, что происходит с эфиром. Если ты пришла соблазнять — давай позже. Если пришла помогать — давай сейчас.

Она отступила на полшага. И засмеялась. Тихо, искренне, как смеются люди, которых неожиданно поняли.

— Хорошо, — сказала она. — Позже. — И, помолчав: — Мне нравится, как вы говорите. Прямо. Мой учитель был прав.

— Что ещё сказал твой учитель?

— Что вы не такой, как другие князья. Что вы не носите с собой шпагу. Что вы записываете всё в блокнот. — Она кивнула на его руки. — Это правда. Вы записали меня?

— Записал.

— И что написали?

Сандро посмотрел в блокнот.

— «Лакшми. Механик. Умная. Красивая. Проверить».

Она снова засмеялась. И на этот раз смех был глубже, теплее.

— Проверить? Меня?

— Всё, — ответил Сандро. — Я всё проверяю. Такова работа.

Чайндра появился бесшумно. Просто вышел из тени — маленький, круглый, с чайником вместо головы, — и протянул Сандро чашку. Чай был горячим. Пар поднимался в ночном воздухе, смешиваясь с запахом жасмина.

Сандро взял чашку. Сделал глоток. Чай был терпкий, с мёдом и чем-то ещё — может быть, с дымом, может быть, с корицей. Он согрел горло и как будто разогнал туман в голове.

— Спасибо, — сказал он.

Чайндра наклонил голову. Потом повернулся и пошёл к корме. Сандро смотрел ему вслед. Голем двигался медленно, тяжело, но в его движениях была странная грация. Он был старым — это чувствовалось. Его медные бока потемнели от времени, на крышке-макушке осталась вмятина, а на боку — та самая гравировка: «Ост-Индская компания. Чайная плантация 7». Сандро видел эту надпись уже сотню раз, но сейчас, ночью, она почему-то зацепила его взгляд.

«Чайная плантация 7. Ост-Индская компания».

Он вдруг понял, что не знает, что это значит. Он читал о Ост-Индской компании. В учебниках. В докладах. Но там говорилось о британской компании. А Чайндра — русский голем. Или нет?

Он хотел спросить, но Чайндра уже вернулся. В клешнях он держал свёрток. Развернул его. Это была карта. Старая, пожелтевшая, с потёртыми краями. Сандро присел на палубу, положил карту на колени. Лакшми подошла ближе. Она не касалась его, но он чувствовал её тепло рядом.

Карта была странной. На ней был изображён Цейлон — остров в форме капли, — но не весь. Только северная часть, где находился Коломбо и окрестности. И на этой карте были отмечены точки. Красные. Их было семь. Они располагались полукругом вокруг города — на севере, на востоке, на юге. И от каждой точки к городу тянулась тонкая линия.

— Что это? — спросил Сандро.

Чайндра повернул клешню. Указал на одну точку. Потом на другую. Потом на третью. И Сандро понял.

— Это мёртвые зоны, — сказал он. — Места, где эфир не работает.

Лакшми наклонилась. Её плечо коснулось его плеча. Она не отодвинулась.

— Откуда у него эта карта? — спросила она тихо.

— Не знаю. — Сандро посмотрел на Чайндру. — Но он её не рисовал. Она старая. Смотри — бумага. Ей лет тридцать. Может, больше.

Он провёл пальцем по линиям. Они были аккуратными, ровными, как будто их чертил инженер. И каждая линия вела от мёртвой зоны к городу. К эфирным конденсаторам. К фонарям. К сети.

— Это не поломки, — сказал Сандро медленно. — Это не случайность. Это...

Он замолчал. Мысль, которая только что пришла ему в голову, была слишком простой и слишком страшной.

— Что? — Лакшми смотрела на него.

— Кто-то тянет эфир, — сказал Сандро. — Из города. Из сети. Через эти точки. — Он показал на красные метки. — Вот почему фонари пульсируют. Вот почему гул из порта. Вот почему отца Аджая посадили. Он увидел одну из этих точек. И понял, что это.

— Но зачем? — Лакшми нахмурилась. — Зачем кому-то воровать эфир?

Сандро посмотрел на неё. Потом на карту. Потом на дым, который висел над портом — чёрный, жирный, упрямый.

— Чтобы жечь уголь, — сказал он. — Чтобы топить нефтью. Чтобы быстрее возить грузы. Чтобы зарабатывать больше. Чтобы... — Он замолчал. — Чтобы не ждать.

Он вспомнил слова Радде: «Остров это запомнит. Он всегда помнит». И подумал: может быть, остров помнит не только добро. Может быть, он помнит и то, как его грабят.

— Это саботаж, — сказал Сандро тихо. — Кто-то намеренно ослабляет эфирную сеть города. Чтобы она не мешала. Чтобы никто не заметил. Чтобы все думали, что эфир просто слабеет сам по себе.

Чайндра дрогнул линзами. Три раза. Медленно. Это означало что-то важное — но что именно, Сандро не знал.

Лакшми отстранилась. Её лицо стало серьёзным.

— Если вы правы, — сказала она, — то это очень плохо.

— Хуже, — ответил Сандро. — Это только начало.

Он сложил карту. Убрал в блокнот — между страницами, чтобы не помялась. Потом посмотрел на Чайндру.

— Откуда у тебя это? — спросил он. — Кто тебе дал?

Чайндра не ответил. Он просто стоял — маленький, старый, с чайником вместо головы, — и смотрел на Сандро своими линзами-глазами. И в этих глазах было что-то, что Сандро не мог прочитать.

— Ладно, — сказал он. — Не хочешь говорить — не говори. Но завтра мы пойдём туда. — Он показал на карту. — В одну из этих зон. И посмотрим, что там.

Чайндра наклонил голову. Один раз. Это означало «да».

Лакшми посмотрела на Сандро. Потом на голема. Потом снова на Сандро. И улыбнулась — не соблазнительно, а просто. Тепло.

— Я пойду с вами, — сказала она. — Я знаю джунгли. И я хочу увидеть, кто ворует наш свет.

Сандро кивнул.

— Хорошо. Завтра. На рассвете.

Лакшми спустилась по трапу. Она ушла так же, как пришла, — бесшумно, из темноты в темноту. Но Сандро ещё долго чувствовал запах меди и сандала. И ещё — тепло, которое осталось на палубе там, где она стояла.

Он посмотрел на небо. Звёзды всё ещё висели низко, влажные и крупные. Цикады всё ещё трещали. Дым всё ещё полз над портом.

Сандро допил чай. Поставил чашку на палубу. И пошёл спать.

В каюте он лёг, закрыл глаза и прислушался. Гул из порта — ровный, тяжёлый, чужой — баюкал, как больной ребёнок. Сандро почти уснул. Почти.

А потом гул стих.

На одну секунду. Может, на две. Как будто кто-то в порту затаил дыхание. Как будто кто-то заметил, что за ним наблюдают.

И тут же — громче. Злее. Гуще. Как будто там, в темноте, кто-то усмехнулся и повернул вентиль до отказа.

Сандро открыл глаза. Посмотрел в стеклянный потолок. Звёзды над Цейлоном висели низко, влажные и крупные. И одна из них — та, что была прямо над ним, — вдруг мигнула. Один раз. Коротко. Как будто подмигнула.

Сандро не спал до утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.